

В ритме гоор

Шихмирзаева Сахиб

Сахиб Шихмирзаева

В ритме гоор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67925388

SelfPub; 2023

Аннотация

В романе Сахиб Шихмирзаевой «В ритме гоор» показаны судьбы членов одной семьи разных поколений и их односельчан, их радости и горести, надежды и разочарования. Особенный интерес представляет описание положения женщин в семье и обществе, затронута также нелёгкая тема терроризма и ваххабизма. Центральная тема романа, лейтмотивом проходящая через всё повествование, – поиск своего истинного «Я», своего предназначения в жизни. Ещё мальчиком Саида при живых родителях передали на воспитание бабушке, и всю жизнь он метался между любовью и обидой на мать, пытался найти мир в душе.

Содержание

БЕЛЫЙ СНЕГ	5
Глава 1. Ссора	17
Глава 2. Боль	23
Глава 3. Бабушка Зульхижат	34
Глава 4. Отец	37
Глава 5. Брат Максуд	44
Глава 6. Чёрные ворота	61
Глава 7. Айшат	68
Глава 8. На пастбище	74
Глава 9. Школьные будни	82
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Сахиб Шихмирзаева

В ритме гоор

ЧАСТЬ

I

БЕЛЫЙ СНЕГ

Предыстория

– Готовьтесь! Выходим! – раздался над ухом Магомеда гортанный голос учителя по танцам.

Заиграла зурна, забили барабаны, зрители в зале устали на красные шторы в ожидании главных претендентов на победу в конкурсе «Лучший танцевальный ансамбль лезгинки» в Дагестане.

Мансур Ахмедович собрал своих лучших танцоров, ныне студентов, для участия в конкурсе танцевальных ансамблей лезгинки.

В танце движение каждого отдельного его участника вплетается в целое. Каждый танцор – слепок узора, без которого ансамбль перестанет быть единым. Целое, состоящее из множества, чьи переплетения сплетаются в одно дыхание, в один организм, – вспомнились слова Мансура Ахмедовича Зулумхану.

Зулумхан, двадцатитрёхлетний парень, всегда первый в строю, так как ростом выше всех, нагнулся поправить ичиги, как Магомед, следующий за ним в строю, выстроенном по росту танцоров, коршуном перепрыгнул через него и вырвался в зал первым, отбивая двойной шаг под зурну.

– Иди и танцуй на его месте, – приказал учитель расте-

рвавшемуся Зулумхану, и ему ничего не оставалось, как растянуть улыбку на лице и с затаённой злобой выйти вслед за Магомедом.

Гоор, старинный аварский танец, начался.

Айшат, первая в ряду девочек, с крепко зажатым и протянутым вверх кулачком выплыла за кулисы, ловко отбивая по полу плавучие движения ног. Вышитые на черном чохто монеты, звеня и качаясь из стороны в сторону, отплясывали лезгинку гоор вместе с ней.

Магомед, вычерчивая строго выверенные быстрые шаги, строго следовал за ней. В центре зала, встал на носки, развёл руки в стороны и взлетел в тройном прыжке. (К сальто учитель готовил Зулумхана, но у него не получался тройной прыжок, и в конце номер оставили с двойным прыжком. Магомед же сам тренировался ежедневно дома и у него получилось. Он ещё не знал, как, каким образом удастся выступить вместо Зулумхана. Попросить ли учителя или Зулумхана самого, а спросят, зачем ему это, что ответить? Ради победы? Поверят ли? Прокрадутся подозрения, и над ним с Айшат будут подшучивать. Им дай только повод.

Получилось. Прыжок – молниеносный, высокий, будто птица взлетевшая ввысь. Сердце рвётся вон из груди, встал на цыпочки при приземлении и в стойке краем глаза посмотрел на Айшат, и она улыбнулась, движение губ величиной в два миллиметра, но он уловил его и вновь завертелся в тройном каскаде, парило в прыжке уже не тело его, а сам дух.

Айшат плавно обошла его кругом, раскинув по-лебединому руки и чуть наклонив голову, оценивая партнёра, достоин ли он её, и будто удостоверившись в правильности выбора, остановилась поодаль и запорхала в молниеносных движениях ног. Зажатый кулачок вытянут на уровне головы, широкий рукав платья скатился к локтю, а ноги мелькают так, будто и не касаются пола.

Ритм замедлился, ряды парней в папахах и девушек в чохто, вышедших после сальто Магомеда и выступивших после него, переводили дыхание, хлопая в ладоши в ожидании вставного девчачьего танца. Далее в танец включились мальчик и девочка лет семи. Зал смотрел на их слаженные ковырялки. Магомед урывками глядел на Айшат, Зулумхан в ярости на Магомеда.

Поклон. Танцоры скрылись за пыльными шторами.

Магомед не успел выйти за кулисы, как Зулумхан сзади толкнул его. Магомед упал. Резко встал и не успел направить ответный удар, как кремнёвый кулак Зулумхана обжег его острой болью. Из носу Магомеда хлынула кровь. Рассвирепев, Магомед в ответ махнул со всей силой и рассёк щеку Зулумхану. Парни за кулисами ринулись к дерущимся, разняли, отвели в разные стороны.

– Если мужчина, ты придёшь вечером на стрелку.

– Можешь быть спокоен, я приду, – ответил Магомед.

– Мужчины, как ты, из-за спины не выползают. – зажимая щеку сквозь злобу, еле переводя дух, прохрипел Зулумхан.

– Я не выползал, я перепрыгнул, – вставил Магомед.

– А что ж так рвался-то ты на моё место? Сказал бы – разве не пустил бы тебя, или, – усмехнулся Зулумхан, – влюбился, что ли, в Айшат? – Глаза его сверкнули, упиваясь неожиданным открытием.

– Она тут не при чём, – взорвался Магомед, – я смог сделать тройное сальто и хотел победы для нас.

– Магомед и Айшат жених и невеста, – подразнил Зулумхан шуткой пятиклассников.

Магомед вырвался из цепких рук товарищей, и они вцепились друг в друга за бешметы.

– Да что же вы с ума сошли, что ли! Вставайте на свои места! Сейчас объявлять будут! – закричал только вошедший учитель, с трудом втиснувшись между ними.

Кубок первенства получила команда, в которой парень с подбитым глазом криво улыбался, другой, со сломанным носом, с вздувшимися ноздрями из-за набитой ваты, тупо смотрел под ноги, а девушка, худенькая, с раскрасневшимися щеками, старалась выглядеть равнодушной.

Может, если бы не гоор, не случилось бы всего того, что произошло после. Может, судьба их была бы совершенно другой. Гоор был станцован, первенство получено, партнёрша в танце отвоёвана – осталось станцевать жизнь.

Зулумхан и Айшат

И вот это вот всё именно когда я собрался ехать в село,

когда предстоял такой важный разговор. Ненормальный! и в школе такой же был. Молчун! Костми ляжет- а слова о себе не вымолвит. Чего хочет не скажет. Больной на голову! – толдычил Зулумхан перед зеркалом, прижимая к щеке, вынутый из общажного морозильника окорок в целлофановом пакетике.

Явно мать его вид расстроит и как с расстроенным человеком говорить об таком.

В схожих ситуациях она могла реагировать прямо-таки противоположно. Так, если в детстве он ронял и разбивал посуду, то мог услышать её коронную фразу: «Ну ты и зараза!» Причём каждое слово растягивала так, будто боялась, что его уши не воспримут сказанное, а в иной раз, даже не посмотрев, равнодушно произносила: «Выброси в мусорное ведро». И всё! Ноль реакции.

Сяду я значит с ней вечером и скажу.

– Мама, я женюсь на Марине. Знаю всё, что ты скажешь. Все доводы почему это не лучший вариант для меня. Однако моё решение – окончательно. Я много думал об этом и женюсь на ней, даже если ты откажешь.

Так и скажу. Прямо. Без лишних там слов и нюней. Понятное дело, она не обрадуется. Но интересно, что скажет? Надо продумать все варианты. Сто процентов заговорит о родовой принадлежности (Марина не из тухума¹ узденов²).

¹ Тухум – род, племя.

² Уздены – люди знатного рода, богатые.

И мать и все родоки будут против, это однозначно, и скажут, конечно, что односельчане будут смеяться над ним за глаза, ну это ничего, пусть себе смеются, посудачат первое время и перестанут, это мы видели, это проходили, а если посмеет кто, что-либо сказать, так я его игом заткну – плотно зажал он кулак. Что ещё скажет? Скажет, что его дети и их потомки отныне будут причислять к неузденам³ и будут называть обидным словом хлама. Это уже серьезный аргумент. Скажу пусть! Мне все равно, что они скажут! Пускай попробуют только! Руки ноги пообламаю!

Пусть. Главное, чтобы она была рядом. А из села уедем. Буду в городе с ней жить. А там поди разбери кто есть, кто. Там всех этих делений нет. Там никто о тебе ничего не знает, кроме того, что ты сам о себе выдашь.

Зульхижат терпеливо выслушала сына (Ничего из заранее продуманного не предъявила) Помолчала с минуту, уставившись на свои джурабы, прошлась взглядом по изображённой на них трехступенчатой пирамиде, тяжело вздохнула.

– Хорошо, сынок.

– Что, правда? Ты согласна? Ты мне будешь меня отговаривать.

– Нет. Вижу ты серьёзно настроен. Раз ты так решил, так и селаю. Пойду сегодня же вечером к ним и засватаю.

Зульхижат переделалась и ушла.

Надо же, как бывает думал он и от волнения начал ходить

³ Неуздены – люди чернорабочие, прислуга, крепостные.

по комнате в зад вперед.

А потом пришла такая, лоб нахмурен, в глаза не смотрит.

– Ну так что ?

– Опоздали, сынок, – сказала она, склонив голову и теребя кольцо с красным камнем. – она уже как год, за другого засватана.

Нет, такого разворота событий он не ожидал, не подготовился.

Обождая пару дней, мать вконец сбила с толку, сообщив, что люди прознали про их намерения насчёт Марины, и чтобы пресечь все слухи, принижающие их достоинство, надо бы засватать хорошую девушку.

– Можно Загидат, дочь Умара, Зайнаб, дочь Сайпулы, Айшат, дочь Далгата, Раисат, дочь Алисултана. Выбери одну из них, и заставим замолчать всех говорунов.

Зулумхан слушал отстраненно: все равно уже на ком, если не на Марине. Но при имени Айшат он вспомнил Магомеда, унизившего его при всех. Налитые красным румянцем щёки Айшат.

– Айшат, – холодно посмотрел он на мать и вышел из комнаты. Впоследствии Зулумхан жалел о своём решении. Зачем он влез между Магомедом и Айшат? Да и жить с человеком, зная, что тот любит другого, одна мука. Но он сказал слово, назвал её имя.

Зульхижат больше и не надо было от него ничего. Всё остальное организует она. Одна надломленная душа неукос-

нительно сломит другие.

Во что я встрял? Меньшего всего на свете я хочу видеть её своей женой. Не смогу с ней жить.

– Надо было думать прежде, чем словами разбрасываться. Не маленький уже в хочу не хочу играть. Я уже слово сказала, обо всем договорились, старейшины тухумов пожали друг другу руки. А разнять их теперь можно только мечом.

К Айшат известие пришло от матери. Улучшив минутку, когда можно говорить без лишних глаз, мать поставила перед фактом:

– К нам приходили сваты. Отец дал согласие. Ты выходишь замуж за Зулумхана. У них и тухум хороший, и достаток в доме есть, и сам парень хороший. Тебе очень повезло. От таких предложений не отказываются.

Через два месяца назначили свадьбу. А уже через две недели будет «Чемодан» (обряд преподнесения подарков невесте).

Айшат опустила глаза и ничего не сказала. Она даже не знала, что имеет право что-то сказать. Да и кто сможет возразить её отцу...

Айшат выпила кружку холодной проточной воды и ушла в свою комнату. Она с детства, оказавшись под тяготами жизни, заворачивалась в одеяло, превратившись в огромное одеяльное чудовище-червячка, будто бы залезала в невидимый для чужих глаз панцирь и оттуда наблюдала за происходя-

щим в своей голове, как зритель наблюдает фильм. Отлежавшись, вставала с постели с той же болью, но без острых углов. Отныне это часть её, ещё один пласт, ещё одна накидка на душе.

В назначенное время ближайшие родственники жениха пришли в гости к невесте с подарками. Айшат, бледная, еле сдерживаемой дрожью стояла в центре комнаты, куда её и вывели родственницы со стороны жениха, из задней комнаты, где она сидела в окружении подруг, восклицая: «У вас тут есть то, что мы оставили отмеченным» – так часто говорили про животных. Чтобы отличить свою скотину от чужих, на ухо животного ножом наносились различные знаки (подрезали с края, вырезали в центре круг и т. д.). Всё это говорилось, конечно, в шутку, но осадок этой шутки Айшат раздражал всегда. И вот теперь она стоит в центре комнаты, безмолвная красиво-наряженная кукла во власти окриков баб и хохочущей толпы глазееющих.

Одна из тётушек Зулумхана с белой харой⁴ вышла к ней и со словами: «Да повернётся к нам невеста животом, а к чужим спиной» – накрыла её платком, надела кольцо.

Громко озвучивая от кого какой подарок, подношения ставили перед невестой: тут и ткани для платьев, расписные большие платки, гормедо⁵, туфли. Глазееющие всё подмечают, запоминают. Кто и что принёс и насколько качественное,

⁴ Хара – большой платок, а также шёлковая ткань.

⁵ Гормедо – тонкий большой платок с рисунками из шёлковой ткани.

и дорогое.

Что чувствовала Айшат? А что она могла чувствовать? Она выходила за нелюбимого, и более того (о любви Зулумхана к Марине догадывалась вся молодёжь села) за не любившего её. А её мнения никто и не спрашивал.

– Тут даже вопрос неуместен, – ахнула бы Асият, мать Айшат, на такие слова, – когда такая партия.

Настал день свадьбы. Звуки зурны заполонило село. Под шатёр жениха стекались все близкие и дальние родственники, кунаки, друзья и просто знакомые. За спинами молодых белой ватой на красном ковре написали крупными буквами «Счастья молодым». Опилки втоптывались в грязь под каблуками танцоров, жених отвечал на поздравления друзей, исподлобья бросая взгляды на Марину, как всегда, парившую в центре танцевального круга. А слёзы Айшат падали по щекам вниз и капали прямо на золотое кольцо новобрачной. Только слез её никто не видел. Белый платок, спущенный до самого подбородка, скрывал их от прозорливых взглядов.

Айшат, будучи девчонкой, представляла этот день совершенно по-другому.

Вспомнилось ей, как она глядела на подарки невесте в день сватовства. И все тебе одной. А свадьба? Волшебство: белое платье, всё внимание тебе, все взоры на тебя, все вокруг носятся с тобой. Свадьба, думалось Айшат через несколько лет брака, одна из самых коварных иллюзий. Грёзы девушек о любви и браке сродни грёзам юнцов о войне,

представляющих её полем для подвигов и славы.

Один день красоты и очарования – а за ним...

Между тем зурна заиграла старинную музыку, и в окружении всех родственников вышли в парный танец мать жениха и, так как отец Зулумхана умер ещё молодым, вместо него, поддержать мать, вышел дядя Зулумхана. Вторыми в этой цепи дуэтов эстафету приняли друг жениха и подруга невесты. Толпа окружала танцующих, встав в круг, хлопала и кидала на танцующих деньги. Завершали дуэты жених и невеста.

Айшат медленно шла по танцевальному кругу. Она видела новые ботинки Зулумхана, танцующих вокруг неё, равнодушные купюры денег, летевшие ей под ноги со всех сторон, и проворные руки тёти Аминат, собиравшей деньги в подол своего платья.

Дядя Зулумхана, ветеран войны, выстрелил несколько раз подряд в воздух, продырявив тент над танцующими. Молодые парни подбрасывали и ловили Зулумхана. Танцы и музыка не умолкали.

Магомед сидел поодаль от выстроившихся в ряд джигитов, но проворная горянка протянула ему палку невесты, и он не мог отказать девушке, хотя танцевать – это было последнее, чего ему хотелось сделать в этот день. Но отказываться не принято. Сделав медленный круг за партнёршей, Магомед ускорился вслед за музыкой. Кулаки его сжимались до боли и расправлялись, растопырив пальцы друг от дру-

га. Закружился в сальто, в одиночном, а не тройном, склонил голову в поклон партнёрше, резко поднял голову вверх, мельком взглянул на жениха с невестой и ушёл скорым шагом со свадьбы.

«Отомстил. Жестоко отомстил мне Зулумхан», – пронеслось в его голове.

Глава 1. Ссора

Горное село Дагестана, расположенное на склоне горы, больше напоминало птичьи гнёзда в скале. Небольшие каменные дома, будто прорастающие из самой горы, где пол одного жильца оказывается крышей другого. Все окна смотрели строго на юг – чтобы комнаты были открыты солнцу.

Дом Зулумхана, против обыкновенного, построили прямо на полевом участке. Сперва такое решение осуждали все сельчане, но потихоньку молодёжь предпочла спуститься к низовьям, где рядом с домом находился участок для огорода.

Во всех сёлах найдётся женщина, которая всё видит, всё слышит и знает изнанку каждого жителя. Такая, к сожалению, жила по соседству с Зулумханом. Она только спускалась с кувшином за водой, как шум из дома Зулумхана привлёк её внимание. Женщина пристально вглядывалась в окна и вслушивалась в звуки семейного скандала, пытаясь угадать, из-за чего ссорятся хозяева. «Опять пьяный пришёл. Не избил бы...» – покачала она головой, не одобряя слышимое и пытаясь в точности запомнить каждое слово, чтобы потом пересказывать с охами и вздохами, приговаривая «вабабай»⁶.

⁶ Вабабай – традиционное присловье, используемое для передачи смешанного чувства удивления и неодобрения.

– Закрой свой рот и проваливай отсюда, видеть тебя не могу! – слышен крик Зулумхана.

– А зачем ты женился на мне, если любишь другую?! Столько разговоров, как тебе не дали жениться на Марине. И ладно бы одной мне изливал трагедию своей любви, так нет же ! Ты всем подряд это рассказываешь! Как тебя, бедного, родная мать обманула да с любимой разлучила. Ты даже племяннику моему рассказал. А мне какво, тебе плевать! Почему её не похитил и не женился на ней?! Твоего духа только меня мучить хватает?!

– Проваливай отсюда, ведьма – процедил сквозь зубы Зулумхан. – Видеть тебя не могу!

– Никакая ты не жертва! Ты трус. Вот ты кто!!!

–Вон из моего дома!! – рассвирепел Зулумхан и вытолкнул ее из комнаты в коридор.

–Ты мне больше не жена! Не жена ты мне больше – слышишь? Не жена! Убирайся! Вон! Не нужна мне такая жена.

Это было очень серьёзное заявление: у мусульман сказать жене «ты мне больше не жена» – считается разводом. Если сказано три раза, то примирение уже невозможно. Пять долгих лет Айшат терпела пьянки мужа. Кормила и поила его собутыльников, которые вваливались в дом глубокой ночью или под утро. Готовила, убирала, терпела побои. Повод он всегда находил: не так отвечала на его вопросы, не так посмотрела, молчала, не так накрыла стол для его друзей. Поводом могло послужить даже то, что Айшат отказывалась

просить денег у родителей, у его матери или у соседей, когда дома не было водки и продуктов для богатого застолья.

От слов Зулумхана вниз, по позвоночнику Айшат словно спустился маленький кусочек льда. Это означало, что всё, конец. Эта жизнь закончилась: закончился ад замужней женщины... И начинался ад разведённой. Женщина обернулась и увидела испуганного мальчика, прижавшегося к стене и плачущего от ужаса и непонимания происходящего. Она схватила его за руку и, задыхаясь, проговорила:

– Идём, ноги моей больше в этом доме не будет!

Они шли быстро. Саид практически бежал, боясь отстать от матери. Она же, казалось, не видела вокруг ничего и никого. Её глаза, полные боли, обиды и осознания, что семью вернуть уже нельзя, как будто закрыли каменные пластины, за которые не проникал ни один луч света.

Саид споткнулся о деревянный сук, лежавший на дороге, и упал. Айшат быстро дёрнула его за руку:

– Под ноги надо смотреть! Идём!

Вот уже показался дом бабушки Асият – старый, небольшой, с отцветшей голубой краской на веранде. Асият, женщина лет сорока, небольшого роста, худощавая, жилистая.

Айшат с Саидом вошли в дом. Мать наконец отпустила руку сына, села на стульчик возле окна и заплакала, укрывая лицо руками.

– Доченька, ты чего? Что случилось? Почему ты плачешь? – Асият склонилась над плачущей дочерью.

Айшат силилась произнести хоть слово, жадно хватала воздух лёгкими, но звуки затухали под натиском рёва.

– Успокойся, успокойся! Скажи, что случилось?

– Он выгнал меня из дома и произнес талак... – только и смогла сказать Айшат.

Бабушка Асият выпрямилась и застыла, опустив руки. Молоко, закипавшее в кастрюльке, убежало. Асият машинально выключила газ и по привычке, взяв в руку салфетку, начала вытирать белую пелену с печки, поглядела на тряпку в руке с недоумением и, опомнившись, села рядом с дочерью.

– Почему? – пролепетала она чуть слышно.

Через месяц родители Саида официально развелись.

Айшат, в гневе на своего бывшего мужа, неустанно подпитываемом причитаниями бабушки Асият, отдала Саида на воспитание отцу.

«Сына должен воспитывать мужчина», – сказала она, – и не спорь! Пусть сам воспитывает своего ребёнка, узнает, каково это. А тебе жизнь загубить не дам. Ты не будешь сидеть дома с ребёнком на шее. Выйдешь замуж, всем на зло».

Но удар Зулумхана пришёлся первым: спустя несколько месяцев после развода женился на лачке. Не принято было вступать в брак людям из разных селений, а брак с представителем другой национальности вообще воспринимался как вызов. А Зулумхан взял и женился и пускай все односельчане кудахчат вокруг.

Саида передали на воспитание бабушке Зульхижат, матери Зулумхана. Саид слышал, как бабушка Асият злилась на его отца, обзывая пьяницей. Слышал, как бабушка Зульхижат обвиняла его мать в торопливости, нерасторопности. Только они забыли объяснить ему, что происходит. Помнил, как мать жадно целовала его, обнимала до боли, потом прибежала ещё через минутку и, протирая слёзной щекой его щеку, вновь сжимала и жгла поцелуями. Его вещи поспешно собирались, так было не раз, часто он оставался ночевать или у бабушки Асият, или у бабушки Зульхижат. Ему сказали, что он пойдёт к бабушке Зульхижат, но что ж мама так волнуется? Или отец опять обидел? Взрослые не умели мириться. Вот он с друзьями тоже ссорится, но всегда быстро мирится, а взрослые так долго копошатся в произошедшем, что потом не могут всё забыть и простить.

А в стенке бабушки Асият, за стеклом, стояла ваза в форме рыбы с большим открытым ртом. Ему не разрешали её трогать. А мать и бабушка в другой комнате и так увлечены обидой и гневом на отца и на всех его родственников, что Саид решился протянуть руку к заветной рыбовазе, пока всем не до него. Осторожно тащил её, убрав с пути мелкие рюмки. Скрип двери, Саид задрожал, рыбина упала и разбилась.

– Несносный мальчишка, непослушный дуралей! Весь в отца!

Не жди от него добра! – повараживая голову в сторону Айшат сказала Асият. – А ты цепляешься за него. У него его

гены, и от этого не уйти. Пусть сами с ним возьмётся. А твою жизнь погубить не дам!

А мама молчит, молчит и смотрит как немая. Раньше, когда бабушка его обижала, она не молчала. А сейчас молчит. Эта разбитая ваза убедила её в том, что он плохой. Но это вовсе не так! Не так!

Саид виновато смотрит на мать, та виновато смотрит на него. Его отправили к бабушке Зульхижат, и та сказала ему, что отныне он будет жить с ней. А матери он больше не нужен.

Ей нужна была та ваза. Она ведь была такая красивая. А он разбил. Разбил, и мама больше не зовёт его домой, не приходит за ним.

Глава 2. Боль

Улучшив момент, когда Зульхижат занялась плетением ковра, он уже знал, что это надолго отвлечет её зоркий взгляд от него, Саид пошёл в овраг, куда скидывали мусор, и собрал все осколки рыбины. Он её склеит, и мама его вернёт, мама увидит, что он неплохой.

Он собирал кусочки вазы и бережно складывал их в маленькое ведёрко. Потом спрятался в чуланчике, осторожно и аккуратно всё склеил, даже не видно было, если не очень присматриваться, что ваза склеена. Он спрятал её в дальнем ящичке и утром решил пойти к матери. Саид долго не мог заснуть, представляя радость встречи, он вертелся из стороны в сторону, улыбался про себя и чувствовал себя маленьким героем.

Долгожданное утро он встретил с улыбкой и волнением. И как только освободился от утренних процедур, потихоньку вышел, положив вазу в пакет, и отправился в дом бабушки Асият. Снег под нещадными лучами солнца уже растаял, уступив место грязи и лужам. Саид шёл быстро, осмотрительно. Брызги луж изрядно испачкали его одежду, но он этого не замечал, всё это были мелочи, главное – он увидится с мамой, с мамой, милой, дорогой и любящей!

Вот уже показалась зелёная калитка, дверь, которая вот-

вот откроется, и он обнимет её.

– Мама! Мама! – закричал Саид изо всех сил. Он перестал смотреть под ноги, бежал, забыв обо всем, споткнулся, упал. Быстро встал, посмотрел в пакет, и глаза его налились слезами – краешек горловины у вазы потрескался и отвалился. Тут открылась дверь и на пороге появилась мама.

– Саид! – удивилась она. – Сынок...

Он бежал, бежал ей навстречу со всей мочи, вне себя от счастья. Вот осталось только чуть-чуть... И вдруг препятствием между ними встала бабушка Асият. Она быстро схватила его за шиворот и спросила:

– Ты куда это, а?

Взгляд её впалых глаз был суров и мрачен, и мальчик не узнавал в ней старую, добрую «ба».

– Я принёс вот, – и он достал вазу. – Я склеил, а это вот оторвалось, но я и его приклею.

Бабушка вырвала пакет из рук мальчика и бросила на землю. Мать прибежала со слезами на глазах и уже готова была обнять его, как бабушка резко оттолкнула её:

– Ты куда ещё? А ну живо в дом! – указала она рукой.

– Мама, это же мой сын, мой!

– Я кому сказала, уйди!

Асият так строго и непреклонно посмотрела на свою дочь, что та невольно опустила руки, отвернулась и в слезах побежала в дом.

– Мама, мама! – всё вырывался Саид.

Асият посмотрела ему в глаза и также строго сказала:

– Теперь иди к себе домой!

– Я не хочу, я к маме хочу!

Асият начала его тащить, но мальчишка барахтался и сопротивлялся как мог. В этот момент из-за двери опять выглянула Айшат. Она плакала, прикрывая лицо одной рукой, и, кажется, что-то говорила.

– Мама, мама! – вопил ребёнок.

Бабушка дёрнула его сильнее, так, что тот уже не мог сопротивляться. Так они дошли до калитки, и тут Саид мёртвой хваткой вцепился в железную трубу у сетки. Нет, в этот раз он решил не отступать. Вырваться от цепких рук бабушки и прибежать к матери, и уже никто не сможет его отогнать. Мама не позволит.

– Мама, мама, возьми меня обратно! Я буду всё-всё делать, как ты скажешь, и ничего больше не сломаю! Мама!

Мать отбежала от двери, бросилась на диван и заплакала. Бабушка не смогла оторвать мальчика от калитки, силы её были на исходе, и тогда она схватила руку Саида и сильно ущипнула. Но Саид стойко терпел и не разжимал руку. Асият ещё и ещё раз сжимала сухими руками его мягкую кожу на руке.

– А ну отпусти! Иди к себе домой! К своему отцу иди! – запыхавшись, повторяла она.

– Я хочу к маме, пусти меня к маме... – всё не сдавался Саид.

И тут Асият ущипнула с силой и держала долго, пока тот не разжал кулаки и не отбежал, потирая руку.

– А ну быстро домой! – еле переводила дух Асият.

– Я хочу к маме... – прошептал он с обидой, уже ни на что не надеясь.

– У тебя больше нет матери, запомни это раз и навсегда!
И нет её у тебя из-за твоего отца!

– У меня теперь вообще никого нет – ни матери, ни отца и даже, – впился взглядом в Асият Саид, – бабушки!

Резко отвернулся и пошёл прочь. На полдороге он обернулся, бабушка всё так же стояла у калитки, взгляд её утратил недавнюю жёсткость, стал чуть мягче, а на щеках блестели полосы от слёз. Может, если бы он тогда побежал к ней снова и обнял её, она бы его не отогнала, но он не побежал, а побрёл дальше от того места, где мама так и не пришла его обнять. Хотя бы просто обнять...

Больше он не пытался увидаться с матерью, даже, скорее, избегал мест, где мог с ней встретиться. Через пять месяцев Айшат вышла замуж за Магомеда.

Целый год после этого случая Саид не видел её. Однажды, когда он в задумчивости проходил по тесным улочкам села, дверь скрипнула, появилась мама и тихо позвала:

– Саид, родной, иди ко мне...

Саид, не сводя с неё глаз, не спеша сделал два шага назад.

– Иди ко мне, родной, – с мольбой повторила Айшат.

Саид вздрогнул, будто от удара, и побежал, не оглядываясь. Он бежал до тех пор, пока полностью не выдохся.

Так продолжалось и в следующие разы. После отчаянных неудачных попыток хотя бы поговорить с сыном Айшат пришла к своей матери. Асият месила тесто. Руки, покрытые старческими пятнами, хорошо знали своё дело. Месила не торопясь, словно мастер, лепящий из глины.

– Как хорошо, что ты зашла, – улыбнулась Асият. – Сейчас будут хинкал.

– Мама, – холодно выговорила Айшат, – мне не нужны твои хинкал...

Асият уставилась на дочь.

– Мой сын не хочет видеть меня... слышать... Он убегает! – заревела она.

– Он ещё маленький. Остынет и придёт.

– Он не придёт, мама! И он не настолько маленький, чтобы ничего не понимать. Это ты виновата! Ты отняла у меня сына! Что бы ты делала, если бы отняли меня у тебя?! Ты говоришь, что любишь меня и делала всё это ради моего счастья, но почему ты не понимаешь, что точно так же я люблю и своего сына? Он никогда тебя не простит! И я! – выпалила женщина в отчаянии.

– Дочка, жить без мужа с ребёнком одной не дело. Это беспомощность. Тебя не будут уважать, воспринимать всерьёз.

– Мама, я сама себя не уважаю из-за этого. Я ненавижу

себя. Мне плохо! Как ты не понимаешь? Как ты не можешь понять, что я не могу так жить... Как я ненавижу всех этих людей, ради которых я пожертвовала сыном!

– Что же делать? Магомед поставил условие, чтобы Саид не жил с тобой. Я могла бы оставить его у себя, но тогда ты бы не смогла расстаться с ним.

– Магомед, если не примет, пусть катится к чёрту! Я буду со своим сыном. Это что же теперь? Кто я?! Что я?! Я предала своего ребёнка...

– Женщина должна слушаться...

– Мама! Ты себя хоть слышишь?! Это преступление – любить своего ребёнка? Преступление – растить и воспитывать своего ребёнка?

– Что? Что мне делать? Скажи... Скажешь умри, и я умру! – Асият устало опустила руки, и кусочки теста падали с её рук на истёртый временем ковёр.

– Верни мне его, мама! Ты его отняла, ты и верни...

– Верну, верну, родная, только не плачь, тебе нельзя, ты же беременна. Он вернётся к тебе, обещаю.

Зульхижат, еще с четырёх утра, отправилась в садовый участок, расположенный на возвышенности далеко за пределами села. Саид счастливый, верхом на осле, запряженном специальными для абрикосов хурджунами, сопровождал бабушку и не жаловался на усталость, хотя в дороге уже около часа. Прибыв на место, палкой, длинной около двух метров, она сбивала с веток плоды и, отбросив длинный край

платка за спину, принялась собирать абрикосы, лежавшие посреди проросшей травы. На обратном пути Саид плелся позади бабушки. Не только осел тащил домой груз, хотя к двум полным хурджинам прикрепили и два полных ведра, бабушка на спине тащила хурджину поменьше, а Саид маленькое ведерко. Добрались до дома к обеду и бабушка сразу послеобеденного намаза, наспех покормив Саида, уселась за сушку абрикос (вынимать косточки, расставлять на газетах в сомкнутые ряды и через недельку получится курага)

Все руки измазались переспелой мякотью абрикосов, а неподалёку в тени сидел Саид и играл с паровозиком, подаренным ему отцом. Раздался звук шагов по лестнице. Зульхижат, всё так же быстро работая руками, посмотрела на лестничную площадку. У порога стояла Асият.

– Приветствую тебя, – сказала Асият. – Можно войти?

– Конечно, заходи, – Зульхижат встала и пошла мыть руки.

– Мы с тобой столкнулись с трудным испытанием, – начала Асият. – Мы поженили наших детей, надеясь на их счастье, однако они развелись. И дитя их больше всех пострадало от нашей и, в первую очередь, от моей неразумности. Я разлучила мать с ребёнком. Это моя вина, и я об этом очень сожалею. Сегодня я пришла к тебе с просьбой. Верни его обратно к матери.

– В каком смысле – к матери? Замуж вышла, уже ребёнка ждёт... Не сильно-то горевала, видать, его мать. Как будто

Магомед оставит его в своём доме! Ты в своём уме? Даже если оставит, он всегда будет ненавидеть его! Нет, нет, здесь ему будет лучше.

– Тогда я возьму его к себе. Айшат будет приходить ко мне и навещать его.

– А в чём разница-то? Пусть сюда приходит. Я ей не запрещаю.

– Ребёнок убегает от неё, не разговаривает с ней. Я заберу его, и они потихоньку поладят.

– Нет, ты его не заберёшь! Это ты его выгнала из дома! Заберет она видите ли? Ещё чего? Дитя пришло ко мне вне себя от горя. Выгнали его словно собачку какую-то, а теперь хотят вернуть. Он что вам, кукла? И потом – где гарантия, что его опять не выгонят, а?!

– Я прошу тебя, успокойся. Я осознала свою вину, и ты не повторяй мою ошибку!

– Не повторять?! – вышла из себя Зульхижат. – О, нет! Я-то уж никогда не повторю. Никогда я не выгоню дитя из дому. Он теперь мой и только мой! Ясно тебе?! И он сам не хочет видеть ни тебя, ни твою дочь.

– Как ты можешь быть такой жестокой?

– А ты? Ты как смогла, а?!

– Верни ребёнка матери, Зульхижат!

– Я что, отнимала его?! Забрала силой?! Вы сами, по своей воле от него отказались! Если захочет, сам пойдёт. Я его силой не держу.

– Как же он вернётся, если ты сидишь и день ото дня вдаль-бываешь ему о том, как его выгнали и как он никому не нужен? – не выдержала Асият и тоже повысила голос.

– Что есть, то и говорю! И не говори, что этого не было.

– Ты испортила жизнь моей дочери, не порть хотя бы этому ребёнку...

– Я? Я испортила? Это твоя дочь сбежала при первой ссоре. Что она, не могла потерпеть хотя бы ради ребёнка? Как я тебя просила помирить их, ты забыла, как мне отказала?

– Я отказала потому, что мулла сказал нам, что пути назад нет. Талак⁷ был произнесён все три раза. А ты не сказала мне, что твой сын против этой свадьбы! Что ты его обманом заставила жениться на моей дочери. Это твоя вина!

– Да, так получилось. Знала бы, что так будет, вовек к вам не пришла бы свататься. Но я хотя бы ребёнка не выгоняла из дома, не такая жестокосердная. И никого я не верну. Моё последнее слово тебе... Он будет со мной, а если захочет к вам, то сам придёт. Я ни подговаривать его пойти к вам, ни отговаривать не буду. Он сам выберет, как ему лучше.

– Ах ты проклятая ведьма! – в ярости крикнула Асият. – Это ты наговариваешь ему про мать, и он даже разговаривать с ней отказывается.

Асият быстро схватила Саида за руку, дёрнула к себе и

⁷ Талак – исламский эквивалент развода. Мужчина может развестись со своей женой, используя слова «талак» или «развод», после троекратного произношения развод считается окончательным. Талак может выдать только муж.

приказала: «Идём, Саид!»

Саид смотрел то на одну, то на вторую свою бабушку и не смел двигаться.

– Не смей! – кинулась к ней Зульхижат и отодвинула Асият.

– Саид, ты хочешь пойти к бабушке Асият? – обратилась она к растерянному Саиду.

– Не-е-ет, – заплакал Саид.

– Не хочет он вас видеть! Ясно тебе? – холодно сказала Зульхижат.

– Будь ты проклята! И будь проклят твой сын! Чтобы не было в вашей жизни и дня счастливого! – вне себя от злости прокричала Асият.

– Да обрушатся на твою голову все проклятия этого мира, и да не выпрямишь спину от тягот, – в тон ей ответила Зульхижат, загоразивая Саида своим крупным телом. – Уйди из моего дома и больше никогда не приходи!

– И не приду! Доживай век, старая дура, на том свете ответишь за всё.

– Все ответим! И ты в том числе – всё также загоразивая Саида своим телом и слегка держа его рукой, бросила ей вслед Зульхижат.

Асият ушла, хлопнув дверью. Зульхижат села и снова занялась сушкой абрикосов. Чуть погодя...

– Саид, – позвала Зульхижат.

– Что? – раздался голос из задней комнаты.

– Саид, сынок, иди сюда, – снова позвала она.

– Да, ба, – подошёл Саид.

– Ты мой маленький, ты мой хороший. Никому тебя не отдам! – обняла Зульхижат внука, не касаясь запачканными руками, и заплакала.

– Видел свою бабушку Асият?

– Да, – кивнул Саид.

– Видел, какая она плохая? Сколько плохих слов наговорила? Даже не разговаривай с ней. Слышишь? Никогда. Она злая и плохая, и твоя мать такая же. Они причинят тебе боль. К тому же у твоей матери будет другой ребёнок, и ты ей больше не нужен. Ясно?

Саид склонил голову.

– Ясно? – всматриваясь в его глаза, переспросила Зульхижат.

– Угу, – пробубнил Саид и убежал обратно в комнату.

Глава 3. Бабушка Зульхижат

Текут ручьи, то убавляя свой ход, то прибавляя скорость. Минуты, дни, месяцы... человек стареет. И чем становишься старше, тем яростнее хочется жить. Слово «смерть» закрашили белой краской... Но от этого сама смерть никуда не делась. Просто люди захотели обмануться...

Саид уже вырос, и уже ходит в седьмой класс.

Худощавый, с длинным, характерным для многих кавказцев носом с горбинкой, с взъерошенными и часто нечёсанными волосами, с тонкими губами и карими глазами – то блестящими от громкого смеха, то томящимися от глубокой печали.

В школе среди сверстников он пользовался авторитетом: некоторые даже подражали ему. Однако учителя и родители считали его плохой компанией для своих детей, называли его зачинщиком всех драк и неприятностей.

На школьной вечеринке Саид вместе с одноклассниками впервые выпил пива, который он ещё неделю назад стащил из ящика отца.

Он зашёл домой как можно тише, боясь расспросов бабушки, однако она не спала.

– Саид, ты?

– Я, – отозвался он и замер на месте.

– Вырос уже совсем, а я и не заметила... И выпил уже...

Да, время летит быстро...

– Ба, я совсем чуть-чуть, только пригубил.

– Поступай как знаешь, я тебе нотаций не читала и не буду. Отца-то твоего всё учила-учила, а вон как вышло... Я разве думала, что так будет? Нет, даже в мыслях себе не представляла. Только сейчас я понимаю, что слишком опекала, контролировала каждый его шаг, – бабушка помолчала, погрузившись в воспоминания, и продолжила: – Я гордилась им. В школе отличник, институт окончил с красным дипломом. Эх... – улыбнулась она и застывшим взглядом уставилась в пол. – Я ведь даже в город за ним поехала, чтобы его оберегать, – глаза пожилой женщины наполнились слезами, она присела на стул. – Всё было вроде ничего, а только влюбился мой птенец... И в кого? – возмутилась я. Не уважали их семью в селении, считали самыми последними, они не были из семьи узденов. Их тухум обзывали «ХIама»⁸. Люди из рода узденов на них не женятся. А он захотел жениться именно на ней, как будто других достойных девушек не было.

– Сейчас бы я всё отдала, лишь бы вернуться назад, в тот момент, и позволить ему жениться на ней. Может, тогда всё сложилось бы по-другому. Может, он был бы счастлив. – Она не смогла больше вымолвить и слова, обняла Саида и зарыдала. Зарыдала со всей болью и безысходностью.

⁸ ХIама (авар.) – то же, что неуздены, дословно – «осёл».

– Я не позволила, ввела его в заблуждение, – чуть успокоившись, вновь заговорила женщина сквозь слёзы. – Всё вышло из-под контроля... Только после своей свадьбы он узнал, что Марина вовсе и не засватана ни за кого. Он ненавидит меня... Портит свою жизнь назло мне... Это так ужасно. И я ничего не могу поделать, ничего не могу изменить. Одна моя ошибка – и сын пьяница, внук без отца и матери... Прости хоть ты меня, сынок, всё из-за меня.

Саид не знал, что сказать, как утешить бабушку.

– Всё не так уж плохо, ба. Всё будет хорошо, – такими были его слова, объятые холодной дрожью боли, нахлынувших воспоминаний.

Вечером, вновь и вновь прокручивая в голове этот разговор, юноша подумал о том, что и сам считал себя виноватым в разлуке с матерью и даже находил для этого сотни причин и изъяснов в себе. Теперь он видел, что и бабушка считает виноватой только себя. А может быть, и папа, и даже мама тоже считают, что виноваты они сами. «Как всё глупо», – пронеслось в его голове. И, не желая больше думать об этом, он отвернулся к стене и закрыл глаза.

Глава 4. Отец

Утро. Пасмурно. Мелкий дождь отвлекал от долгого рассказа учительницы истории. Рассказывала она интересно, приводила примеры, но в этот день Саид никак не мог сосредоточиться.

«Бабулю жаль... Да и отца по-своему можно понять... Надо бы с ним поговорить, но послушает ли он меня, захочет ли говорить на эту тему? Всё равно нужно к нему пойти, попытаться».

Отец сильно постарел за эти годы, осунулся весь, глаза чашечкой были красными, казалось, вот-вот выкатятся из глазниц.

– Здравствуй, отец. Как твои дела?

– А, сын... Давно не заходил проведать отца, заходи, садись. Жена, накрой нам на стол! Ну, рассказывай, как твои дела, как школа?

– Ничего. Нормально всё.

Тут отец достал из-под стола рюмку, бутылку водки, выпитую до половины.

– Я пью, а ты не пей. Я в твоём возрасте не пил. Но ты и потом не пей – нет в ней ничего хорошего.

– Отец, мне нужно поговорить с тобой.

– Ну, – уставился на него Зулумхан, – что случилось?

Саид молчал, не зная, как сказать и нужно ли вообще что-то говорить.

– В школе проблемы? Ну говори же, не бойся.

– Бабушка Зульхижат в последнее время часто болеет. Может, придёшь?

– Вчера только её видел, нормально она. Да и вообще, чем чаще меня видит, тем хуже ей становится. Так и ей меньше нервотрёпки, и мне головной боли меньше будет.

– Всё-таки зашёл бы поведать, она бы очень обрадовалась.

– Ты ещё маленький, сын, но всё же я скажу тебе: всю жизнь она мне испортила, понимаешь, всю, и вот таким вот я стал из-за неё. Так что сама виновата... Пусть теперь гордится сыном! – зло усмехнулся он.

«Если так рассуждать, я тоже могу сказать, что ты испортил мне всю жизнь, но я ж этого не говорю», – подумал Саид, но высказать вслух он не посмел.

Раздался плач ребёнка. Отец вздрогнул, посмотрел в сторону люльки, накрытой старым одеялом, и прокричал:

– Асма, не слышишь, что ли, ребёнок плачет!

Впопыхах, вытирая руки о полотенце, прибежала женщина лет тридцати пяти (уже четвёртая женщина, после трёх разводов, вошедшая в его жизнь), взяла ребёнка на руки, стала его укачивать, но тот всё не успокаивался.

– Нужно ему смесь приготовить, ты не возьмёшь? – неуверенно спросила она, обратившись к отцу.

Отец ничего не ответил, но посмотрел на неё так, что женщина быстро опустила глаза.

– Дай его мне, – протянул Саид руки, и вскоре у него в руках очутился двухмесячный младенец, сопровождаемый благодарным взглядом матери.

Было страшно держать его на руках, у Саида перехватило дыхание, он боялся даже шевельнуться.

– Родила мне на голову, будто я в состоянии с ним нянчиться... – потушил сигарету Зулумхан.

«Может, отец и про меня так думал, когда я родился?» – промелькнуло у Саида в голове.

Вернулась Асма с бутылочкой молочной смеси в руке.

– Ах ты мой маленький, ты моя радость, – улыбалась она Расулу. – Ну что, проголодался, а? – и вышла с ребёнком в другую комнату.

– Любил я, сын. Любил до потери пульса. Сильно. А моя мать, да и весь тухум встали против меня. Они обманули меня, сказав, что она уже засватана. Не хотели родниться с семьей узденов.

– Но отец, разве время деления на узденов не закончилось? Ведь теперь нет господ и слуг.

– ХІама всегда ею останется. Сам был не рад. Но сердцу приказать не мог, и когда сам решился, поборол себя, мать отказала. Вот так.

– Я всегда думал, что «хІама» это нечто позорное, но теперь, поняв, что так называли слуг и чернорабочих, я удив-

лен: это же были не тёмные времена девятнадцатого века, отец, а где-то (он принялся высчитывать время молодости отца) семидесятые годы двадцатого века! Разве мы не равны перед Богом? Что с того, что они родились в семье бывших рабов, если сейчас их ничего от нас не отличает – ни в плане достатка, ни ума?

– Ты в своём уме вообще?! Никакое время, никакие века, ничто не изменит родовой принадлежности, и никогда, даже перед Богом, хАама не будет равен уздену, – разгорячился Зулумхан.

– И ты хотел жениться на ней?

– Да, хотел. Мы бы уехали отсюда.

– А когда уезжают, они перестают принадлежать своему роду?

– Нет. Нельзя перестать быть частью рода. Тухум – это корень. Потерявший корень засохнет, сгинет с приходом смерти, а оставшийся ляжет в сельское кладбище и будут его потомки к нему приходить, будут приходить односельчане. Земля сохранит память о нём.

– И ты хотел уехать?

– Хотел. Но жизнь, жизнь она несправедливая. И справедливости нет ни на Земле ни на небе. Начнешь искать её, только разочаруешься. А на небе, так и вовсе её нет. Мало того, что ты век промучился на земле, так там закинут тебя ещё в ад и будут черти варить в котле. А как тут не повесить-

ся от такой жизни? От несправедливости, от лживости этого мира. Как кости скинул сюда людей и смотрит, ждёт пока друг друга грызть люди начнут, а потом в один день хоп перевернет землю и сгинут все, и возродит новую жизнь и вновь умертвит. Потому что не загнить душой на земле невозможно. Потому что земля она черная, и она под ногами, от неё мы кормимся, в ней возимся и в неё наше возвращение. А небо она высоко, оно недостижимо, её невозможно тронуть рукой, унюхать ноздрей. Небесных разве что единицы, а земных полчища. Поэтому этот мир непременно погибнет.

Зулумхан выпил рюмку и закусил твёрдым засоленным сыром.

– Ладно, отец, пойду я, пора уже, – засобирался Саид.

– Куда ж ты так быстро, куда торопишься? Сейчас стол накроем, покушаем...

Пришлось сесть. Хотя и не особо хотелось. Сейчас как всегда будет говорить и говорить. А ты слушай и соглашайся...

– Ты думаешь, почему я такой? Потому что понял очень важную вещь. Этот мир, весь этот мир, все эти люди – не стоят ничего. Абсолютно ничего. Ты думаешь дети вырастают и перестают играть? Нет. Взрослые играют в игры похлеще детей. Все эти правила, порядки, работа, долг – одна чушь собачья. Я против всего этого. Я не хочу играть по их правилам. Я не принял игру. Вот я кто. Я тот, кто распознал, что это лишь игра, фарс. Людское мнение, любезности, успех,

богатство – все обман.

Вся человеческая жизнь – это смехотворная игра. В которой нет места настоящему. Ни любви, ни дружбе, ни братству – ничего этого нет. Это мир где друг предаст, а брат убьёт. Любовь -, как ни горька эта правда, но люди не способны любить по-настоящему. Мы любим оболочку, поверхность, красоту тела или черту характера. Нам кажется, что мы любим. А между тем, чтобы любить «ЛЮБИТЬ»– повторил он, выделяя слово- нужно сердце. А его у нас нет. У нас есть орган. Всё, на что способен человек- это страсть, вожделение, желание обладать. У любви нет границ. Любовь – это то что стирает все границы. Только любовь и смерть на это способны. Они не знают ни рода, ни пола, ни религии. Они ничему не подвластны. Они свободны и потому опасны. Понятное дело со смертью ничего не сделаешь. А любовь – любви настоящей люди боятся. И мать моя тоже боялась. Я полюбил. Но не отстоял свою любовь. Мог бы. Но не посмел. Ко мне пришла любовь, но сердце моё не было готово к ней, не было открыто, не смогло обрести свободу, и любовь меня покинула.

Моя мама, самый родной человек во всем свете. Человек, которому ты безоговорочно верил и доверял – она подло обманула меня. И какая после этого вера в человечность, в правду останется в душе человека. Я был растоптан, разбит. И тут это имя Айшат – ворвалось в мой слух. Почему Магомед должен быть счастлив в любви, а я нет. Почему это сча-

стые достанется им, а не мне. И сиюминутная эта зависть завладела мной. И гнев, и злость какая-то на всю эту треклятую жизнь. И я произнёс это слово –Айшат- и сам, одинолично, повесил на свою шею ярмо.

Думаешь я не сожалел. Ещё до свадьбы сожалел. А от сказанного не уйдёшь. Со мной поступили подло и получилось, что и я сам того не понимая поступил также. Не мог я жить с ней. Видеть её глаза не мог. Этот скрытый упрек во взгляде.

Я не играю в игру Жизни, я её пью. Но ты не играй и не Пей. Ты найди её. Найди жизнь сынок. Она должна быть. Она обязательно есть. Я не нашёл, но ты найди. Обязательно найди, ухватись и проживи. Живи.

Глава 5. Брат Максуд

Саид поздно проснулся и потому шёл в школу впопыхах. Дыхание уже перехватывало – ещё бы, нелегко идти вверх, удерживая первоначально заданную скорость. Но медлить было нельзя, не то он опять опоздает, и опять классная руководительница будет ему объяснять, как это плохо. На школьной площадке не было никого. «Не хотел, но всё равно опоздал! Лучше на второй урок пойду, а то нотаций и от математики добавится».

Он сел на скамейку, что стояла рядом с туалетом, но внезапно услышал крики. Побежал. За углом кладовой трое мальчишек толкали его сводного брата Максуда и громко ругались. Брат, судя по жестам, слабо возражал окружившим его мальчишкам и, казалось, в чём-то перед ними оправдывался.

Брат особо не выделялся в школе, в конфликты не вступал, учился на совесть. Мальчик был хилый, часто болел – вот всё, что знал о нём Саид. Они никогда не разговаривали, а только со стороны посматривали друг на друга.

Саид быстро ринулся к ним. К этому времени один из парней по имени Марат, более крупный и развязный, замахнулся и ударил Максуда. Брат съёжился весь и схватился за живот обеими руками.

– Ты на кого руки поднимаешь, сволочь?! – крикнул Саид и с размаху врезал кулаком Марату прямо в лицо. Тот свалился на землю. Двое других ребят сразу отошли на приличное расстояние – все знали, какой Саид драчун, и не хотели с ним связываться.

– Какой он тебе брат? Вы с ним даже не здороваетесь.

– Не твое дело, что и как у нас между собой. У нас общая кровь, понял?

Кто его оскорбил, обидел, ударил, тот меня ударил и меня оскорбил.

Саид подошёл поближе, к все еще сидящему, ухватившись за рассеченную губу, Марату.

– Ещё раз на брата хоть взглянешь, я тебе глаза выколю! Понял? Ты меня понял?!

– Да.

– А теперь убирайтесь отсюда, живо!

Максуд, прислонившись к стене, полусидел и смотрел во круг удивлёнными глазами. Его разбитые очки валялись на земле. Саид поднял их, протянул ему и сказал:

– Ещё раз к тебе подойдут, скажи мне. Я их живо на место поставлю. Ну, как ты?

– Ничего...

– Идём тогда, а то сейчас все сюда сбегутся, – впервые протянул Саид руку брату.

– Идём, – ответил на его пожатие Максуд.

Шли, торопливо и быстро. Хотелось сказать хоть что-нибудь, а в голову ничего не лезло. Вот , пора уже разойтись в разные стороны.

– Ну, бывай – кивнул Саид и зашагал в другую сторону.

– Саид! – крикнул Максуд в удаляющуюся спину.

– Чего?

– Давай после уроков встретимся?

– Где?

– Я к Салихат к 1одо иду после уроков. Пойдем со мной.

– Так она твоя бабушка, а не моя.

– Она у меня очень добрая, пойдем – умоляюще посмотрел Максуд.

– Ну ладно. Подожди после уроков меня под деревом у школы, вместе пойдем.

Не станет же он в самом деле ждать меня целых два урока под деревом. И он уйдет, и я не буду виноват. Саид явно недооценил желание брата подружиться с ним. Завидев Саида, выходящего из школы, он поправил кепку, нацепил портфель и улыбнулся во весь рот.

– Ты все ещё здесь, вацако? – удивленно заулыбался Саид (в переводе братик).

Максуд взволнованно смотрел на него. А как же иначе. Разве он может идти, когда брат сказал ждать?

– Идите вперед, я с ним пойду сегодня, – махнул он рукой одноклассникам.

– Ну, обещал значит пойдем – обнял Саид Максуда.

Максуд расплылся в улыбке. Самый крутой в школе его брат и этот брат теперь по-настоящему брат.

– Брат, я хочу кое-что сказать тебе.

– Что случилось?

– Хабиб из четвертого, Усман и еще двое , там за двором дяди Камала, они там поймали мышь.

Руками что ли? – рассмеялся Саид.

– Нет. Усман принес, в мышеловку она попалась, а Усман её оттуда вытащил и сюда принес, прямо так в мышеловке. А мышь там живая.

– Ииии

Максуд приманил рукой его к себе и прошептал. Они там зажигают спичку, и её горящую втыкают в мышь. Спичка прилипает к мыши, как приклеенная. Они сказали, что делают из неё ёжика.

– Идем, покажешь мне их

– Вот это брат! – воскликнул в сердцах Максуд и побежал за ним.

Пахнуло обожжённым мясом.

Смех, врезался в уши Саида и он в миг очутился рядом со сборищем, растолкал сидевших вокруг пацанов. Павалил на землю Усмана , прижал его щекой к острому большому камню, на котором тот сидел и сказал приятно тебе? Хорошо?

– Отпусти, отпусти прохрипел тот ища помощи глазами у Максуда.

Саид взял и открутил ему ухо

– Аааааа – заорал тот.

– Больно тебе?

– Да

– А сколько раз ты причинил боль этой твари? Думаешь ей не больно.

Саид зажег спичку и поднес к нему. – Ну, погасить её об тебя? Думаю, и к тебе прилипнет, и из тебя получится отличный ёжик.

– Не надо – заплакал Усман. Остальные не смели шевелиться, дыхнуть.

– Я больше не буду...

– Почему ты её мучил? Отвечай мне!

– Они плохие, никому ненужные!

– А ты значит хороший и нужный? Зачем ты нужен? Чтобы мучить их нужен? Это хороший поступок?

– Нет. – сказал он сквозь слёзы. -Я больше не буду!

– Хоть раз услышу, хоть краем уха, что ты просто так раздавил муравья, оторвал крылья бабочке и нечто подобное, что здесь натворил, я твои уши отрежу. Ясно тебе. И всем вам тоже – оглядел он остальных.

Я об вас эти спички в следующий раз потушу. Она и итак умирала, а вы решили ещё и поиздеваться над ней вконец. Может быть она у вас три зернышка кукурузы ukrала, а вы её так жестоко наказали. Горцы, настоящие джигиты, никогда не обижают слабых. Никогда. Вам ясно?

Те склонили головы?

– Я вас спрашиваю

– Да

– Да – раздались приглушенные детские голоса.

– Идите

Мальчики ушли и тут только Саид и Максуд пристально посмотрели на маленькое скукоженное существо, нашпигованное спичками, торчащими в разные стороны. Взгляд его не был дико озирающим. Видимо смирился со своим положением и устало ждал конечной точки.

– ножницы есть у тебя?

– Есть – обрадовался Максуд возможности быть полезным.

– Давай сюда.

Саид срезал аккуратно прилипшую к спичкам жженную шерсть, освободил ее из мышеловки. Та сделала несколько шагов вперед и и посмотрела на двоих склонившихся над ней лиц, вот она сделает ещё несколько шагов и её – бах-прихлопнут сверху. Ещё несколько никудышных шагов, потом ещё и тут она побежала, быстро, не оглядываясь.

– Саид, а почему они это делают?

– Потому что придурки и слабаки.

– А я какой?

– А ты молодец! Вовремя понял, какую мерзость они творят и правильно сделал, что мне все сказал.

Дошли до дома Салихат Клодо, матери Магомеда, который находился в верхней части села. Двухэтажный дом, в

нижней части сарайчики для скота, а на втором этаже жила Салихат к1одо и дедушка Сулейман. Двор пахнул на них запахом вареного сушеного мяса и кукурузных круглых хинкал, с чесночно – творожным соусом, заправленным топленым маслом и вареная картошка с сыром. Нет лучше еды для голодного человека, подумалось Саиду.

Женщина плотного телосложения, в тёмно-зеленом большом платке, скинутым за спину, дабы не испачкать, сидела на полу, перед ней стояла раса (прямоугольная доска с маленькими краями вдоль периметра, устройство, чтобы месить тесто) внутри её пирамида округлой формы из кукурузного теста. Она отрывала с верхушки пирамидки комочек, ставила её между ладонями рук, сдавливала, вращала по кругу и получался сплюснутый ровный кружочек теста.

– Уду – мы пришли! – радостный вскрикнул Максуд.

Максуд в детстве не мог произнести слово к1одо (бабушка) и оно в его произношении выглядело – уду и так оно и закрепилось, а в дальнейшем и Написат, и Ахмедик, вслед за Максудом звали её – уду.

– Вот и хорошо, расплылась в улыбке Салихат, сверкая боковыми золотыми зубами и так любовно посмотрела, что Саид загляделся на неё.

Никогда, ни у кого он не видел такого взгляда. Казалось солнце отломило кусочек от себя и вложило её в сердце Салихат к1одо.

– Со мной и брат сегодня пришёл. Он спас меня из драки

и мышь тоже спас. Усман и ребята её мучили.

– Вот, как! Какой молодец! – чуть подняла подбородок, всмотрелась в Саида – все также светясь и ничуть не омрачившись известием, что внук её встрял в драку.

– Хорошо, что пришёл. Всегда приходи. Гость – это благословение Господне!

Ну чего же вы стоите. Мойте руки, садитесь.

Такую сушенную колбасу с мясом, Саид больше нигде не ел, да хинкал тоже были отменные, но ничто не идёт в сравнение с горным сушеным мясом.

– Вы не уходите, сейчас вам компот приготовлю из кураги. – сказала Салихат к1одо, неторопливо заливая курагу кипятком.

– Уду, Расскажи нам сказку.

– Сказку-то, большой уже твой брат для сказки. Может он не хочет.

– Нет, я хочу. Я люблю сказки.

– Тогда Расскажи ты, свою любимую, а потом и я – покачивая головой и раззадоривая Саида улыбнулась Салихат к1одо.

– Ва, хЮтото, хЮтото...

Ва, хЮтото, хЮтото,

ХЮтол мегеж к1алдисев,

К1алги мац1ги Цоросев,

Щалги чуги меседил.

Васа-вакун, тІагъур лъурав,

ТІаргъиниве хъивихъарав,

Хъабчиниве гевегарав,

КІигоявгун щурщударав,

Щугоявгун векерарав.

Векерун куй босарав,

Керен чІван оц босарав.

Булбулалъул мугъалда

Рагъуе хъала барав.

ХъахІилаб ралъадалда

БагІараб цІа бакарав.

Щел хІуби хІалае ккун,

Зобалазде вахарав.

Зодор ругел ццІаназе,

Хорде рачун, цІан кьурав.

Цорор ругел ритІучІал,

Чагъана хъван, кьурдарав.

Эhey унесе лълъар цІурав,

Эхеде унесе тІутІ лъурав.

БогІол цагъур кІудияв,

ЧІалда мохмох бицатав.

Бабушка Зульхижат часто рассказывала ему эту сказочку,
и её Саид помнил наизусть.

СалихІат КІодо смотрела влюбленно-восхищенными глазами пока Саид рассказывал.

– Ты стихи прочитал, известные, а будто жизнь рассказал, будто про себя. Светом бредить будешь, а огонь тебя помянит. Свет не есть огонь. Не иди за огнём – настороженный взгляд будто проник во внутрь Саида и выскользнул из него

прожженный.

– Дурак я что ли в огонь идти?

– Вот и не иди сынок – со светлой печалью в глазах улыбнулась она. Привстала рядом с ним, положила руку на голову и начала шептать, слегка поглаживая по волосам, слова молитвы, изредка по три раза поплёвывая. Максуд зажав руками рот смеялся про себя, а Саид смотрел то на бабушку Максуда, то на, еле сдерживающийся от смеха Максуда, и чувствовал себя неловко.

– Чего это она? – спросил Саид, как только она отошла.

– Против сглаза и оберег от бед делает. Она мне много раз делала – улыбнулся Максуд. Ещё от испуга и страхов лечит. Раскаляет олово, проводит вокруг тебя три раза, приговаривая молитву, и в холодную воду вливает. Так по рисунку в какой выльется олово, чего испугался скажет. И так несколько раз, пока все страхи не раскроет, да не уберет.

Вошла бабушка с кастрюлей, вареной тыквы. Запах ароматной вареной тыквы заполнил комнату.

– Уду, это такая сказка у тебя? Не, не считается. Нам настоящую сказку.

– Сказку-то улыбнулась она и вновь засветилась. – Достала из кастрюли кусочки вареной тыквы, выложила их на большую тарелку, посыпала сверху слегка сахаром и начала рассказывать:

– Высоко-высоко в горах, так высоко, что ни взглядом человеческим не увидеть, ни орлом великаном не достать, где

на вершине вглядываясь во времена сидит Симург, где облака по над пропастью по краям обвисли, обитали на земле люди с крыльями. А крылья те не как у птицы с перьями, а из света белого. Тот свет не жжет, да глаза не слепит, напротив, глазам довольствие да душе успокоенье дарит. И были у них свои порядки да законы свои. Не позволено людям лететь за пределы горной цепи, покидать границы своего маленького мира.

Мир летающих людей

В три часа сорок минут утра, на выжженной солнцем, оголенной скуле Мёртвой скалы, на самой её вершине стоял мальчик двенадцати лет с устремленным в пропасть вострым взглядом и наклоненной вниз головой. Он не обращал внимания ни на усиливающийся ветер, ни на гром, возвещавший о возможной угрозе с неба.

Он орлом взмылся вверх, а затем раскрыл крылья и полетел вниз, ниже, чем пускала его медная завеса, которая почему-то исчезла. Не успел он как следует удивиться факту исчезновения завесы, как крылья его истончились и вскоре и вовсе исчезли. Падение. Стремительное и неуправляемое. Мальчик смотрит то направо, то налево, где он видел всегда свои световые крылья. их нет. Нечего открывать. Обезумевший взгляд и крик скрежещущий глотку.

Нурали, открыв глаза, быстро оглядел пещеру, вот горит огонь в центре пещеры, у входа дремлет отец, мать с сест-

ренкой за завесой мирно посапывают, и успокоившись тем, что это лишь сон, повернув голову бросил взгляд на крылья. Тоже на месте. Надо же такой глупости присниться.

Однако, несмотря на тревожный исход сна, Нурали после завтрака отправился на вершину Мёртвой горы, посмотрел вниз. Он и раньше много раз смотрел туда и видел всегда блеклое светло-голубоватую завесу, которую местные жители именовали Дном мира. Много раз с мальчишками они там вставали прыгали, т.к. прыжок давал эффект отдачи, как от резины. Дно мира всегда стояло крепко и никогда не давало трещин.

Он как во сне сорвался вниз, взметнув крыльями, но вскоре ноги уперлись на дно и движение вниз было прервано. В непонятных чувствах, то ли разочарование тем, что пришившееся во сне не оправдалось и дно крепко стояло на месте, то ли обрадовавшись тому, что он не упадет неизвестно куда и не разобьётся насмерть, Нурали несколько раз с утленным страхом в сердце подпрыгнул. Все на месте, он никуда не провалился.

Ночью, прилѣгши в кровать и зарывшись под крылья ему ясно вспомнилась деталь из сна, неучтенная им в ходе сегодняшнего приключения.

На часах ясно виделось время. 3 ч.: 40 минут.

Незаметно выбраться из пещеры не стоило большего труда, домочадцы спали крепко. В 3.30 он уже стоял на месте. Взгляд терпеливо скользил по Дну Мира. Долгожданные

3:40 на часах, а дно все-также не пропускал его взгляд ниже. Нурали уже думал отступить от своей затеи, как завеса пропала. Просто исчезла, будто и не было. Нурали оглянулся по сторонам, взглянул ещё раз, подлетел к месту, где было Дно и слегка просунул ногу вниз. Нога свободно ушла вниз, не опершись в привычное Дно.

Вернувшись домой, Нурали никому ничего не сказав лег в свой уголок.

На следующий день все повторилось. Дно отсутствовало ровно 10 секунд. С точностью до секунды каждый день оно исчезало и появлялось вновь.

И то, что в другое время Дно не пропускало, в эти 10 секунд проваливались в никуда. Он бросал туда камни, траву, лил воду.

В один из дней после очередных опытов, Нурали в задумчивости сел на сероватый большой камень округлой формы и огляделся вокруг.

До этих пор все казалось знакомым, понятным. Представления о мире, о людях, о Старейшине – вроде бы все было известно. Прописано. Но теперь вскрылся всего один пробел и стало ясно, что знания не есть твердый элемент – они расплывчаты. Самым тяжким ударом для него послужило не то, что его представления о своем крошечном мире смыло словно паводком, а то, что человек, каждому слову которого верили все жители маленького и как он раньше думал единственного аула в мире, старейшина, не так уж свят, как о нем

думали. Не могло же быть так, что то, что сегодня обнаружил он, 19 летний парень, до сих пор не было обнаружено его предками.

Что если мир не есть наша гора и её окрестности. Что если там внизу другие миры?

Спросить у Старейшины? Да, он так и сделал бы? Раньше. Но не теперь. Поэтому решил поделиться со своими друзьями. Исмаилом и Айубом. Саид встал, приняв решение, и полетел к друзьям.

В белых папахах, в туго обтянутой черкеске, со свивающимися на левой стороне кинжалом, с серебряной оправой Исмаил и Айуб неслись на лошадях до финишного абрикосового дерева.

Нурали отвязав лошадь понесся вскачь вдогонку за ними. Чуть пробившиеся усы, чернели над губой, зияющие впадины от акне на щеках, вострый нос, волосы, спадающие на лоб. Прискакав вслед за Исмаилом и Айубом, Нурали поднял коня на дыбы и резко притормозил его.

– Нурали, ты где так задержался? Договаривались же ровно в четыре встретиться?

– Ассаламу алейкум, друзья

– Ва алейкум ассалам, брат.

Нурали рассказал друзьям об увиденном и условились в тот же вечер встретиться на Тёмной горе.

– И что мы с этим будем делать?

– Надо спуститься туда и посмотреть, что там

– Это может быть опасно. Мы не знаем, что там нас поджидает.

– И поэтому туда пойду я – твердо заявил Нурали.

– Нет, так нельзя – сказал Аюб. Давайте завтра спустим туда козу, а послезавтра посмотрим, вернется она или нет.

Через два дня вооруженные хлебом, взволнованные и полусонные джигиты стояли на краю обрыва и с щемящим сердцем ждали козу. Завеса исчезла, и они увидели её, чуть поодаль от них, спокойно жующую листву с кустика.

– Сюда, сюда

– Ма, ма – заманивал Аюб хлебом. И коза пошла на зов. Все трое ринулись обнимать и гладить козу.

Придя в себя, Нурали твердо заявил

– Решено. Завтра я спускаюсь. А вы уж меня прикройте.

– Я прикрою, скажу ты у меня гостишь, только будь осторожен и на следующий день обязательно вернись. Иначе нам придётся все рассказать Старейшине.

По мере приближения условленного времени, Нурали пожал руку и похлопал по плечу каждого соратника и оглянувшись на них у края, глубоко вздохнул. Сердце его колотилось подобно топоту копыт бегущего вскачь коня. Закрыв глаза, замер на мгновение и прыгнул вниз, расправив крылья. – Салихат к!одо привстала и шутливо сказала

– Ну а мне пора совершить намаз.

– А сказка? – пробурчал Максуд. На самом интересном месте.

– А вы ещё приходите и будет вам сказка- улыбнулась бабушка и отправилась делать омовение. Ребятам же ничего не оставалось, как отправится по домам.

Глава 6. Чёрные ворота

*Твоя улыбка, ласковый твой взгляд,
Слегка коснувшись лепестка,
Срывая жизни маскарад,
Срывает все оковы сердца.
И, оставляя лёгкий след,
Слетает так же просто.
И восхищённый грустный взгляд
Вслед за тобою мчится.*

В этот день Саид подрался с Али, старшим братом Марата. Он был выше Саида, занимался борьбой. Али подошёл сзади и толкнул его. Всё понятно. Пришёл ответку дать за тех, кто обижал Максуда, в особенности за братца своего.

– Ты чего на моего брата руку поднимаешь?

– Во-первых, не смей никогда больше толкать меня, – прошептал ему на ухо Саид, выкрутив руку и согнув её ему за ухо. – Во-вторых, почему твой брат на моего, трое на одного идут? Не потому ли, что трусость у вашего рода в крови? – проговорил Саид и отпустил Али.

– Ах ты гад! – прохрипел Али. – Никто не смеет обзывать меня трусом!

Он бросился на Саида и угодил ему кулаком в глаз. Са-

ид быстро схватил его за голову и ударил коленом в живот. Завязалась драка. Саид был жилистее, находчивее и бился «насмерть». Вмешались одноклассники и развели драчунов в разные стороны. После потасовки у Саида остался синяк под глазом. «Вот гад! Как я теперь домой пойду? Бабушка переживать будет. Надо будет дожидаться ночи и проскользнуть незаметно, а утром выскочу как-нибудь незаметно...» – пронеслось у него в голове.

Дождавшись ночи и дойдя до деревянной массивной двери, выкрашенной белой краской, он, затаив дыхание, сначала приподнял её, чтобы не скрипела, потом медленно открыл и тихо, на носочках, прошёл в свою комнату. Саид мельком взглянул в соседнюю комнату, где обычно спала бабушка, и увидел, что она уже в кровати, глаза закрыты, свет выключен, хотя телевизор ещё работал. «Меня, наверное, дожидалась», – подумал парень. Выключил телевизор и лёг в своей комнате.

Утром проснувшись Саид думал также незаметно выскочить в школу, пока бабушка Зульхижат будет занята курами. В второпях оделся и только хотел выскочить, как остановился резко и сильно задумался. Бабушка всё ещё спит. Она всегда просыпалась рано, кормила кур, подметала двор. «Устала, наверное, вчера. Эх, надо разбудить. Она сразу увидит фингал, но всё равно надо».

Войдя в комнату, он увидел, что бабушка лежит всё в той же позе, что и вчера. Он тихо подошёл к ней, слегка коснулся

руки и сказал:

– Ба, вставать пора.

Она лежала на боку, спиной к нему.

– Бабушка, – повторил он и немножко потянул её к себе.

Зульхижат упала на спину, а лицо осталось так же повернутым к стене. Холодные мурашки побежали по спине Саида. Сердце вдруг замерло. Он повернул её лицо к себе и ужаснулся: оно было безжизненно бледным и холодным.

– Бабушка! Бабушка! – вырывался из его груди крик. Холодная дрожь прошла по телу.

– Очнись, очнись, ба! – дёргал её за плечо

«Что же делать? Скорую вызвать? Соседей? Сначала скорую, потом к соседям», – лихорадочно соображал он.

Саид быстро набрал номер, вызвал скорую, позвал соседей, позвонил отцу. Может, не совсем умерла, может, смогут ещё спасти? Не могла же она взять и вот так просто умереть.

Бесконечно длинные минуты, врачи вошли в комнату бабушки. Соседи уже толпились в доме, говорили, что врачи помогут, но Саид видел, что они обманывают, видел, как шепчутся, исподлобья глядя на него, слышал какие-то обрывки фраз, что уже нет надежды. Но он ждал. Стойко отгоняя все мысли и держась за маленький лучик надежды. Ждал окончательного вердикта врачей.

– Бедный мальчик, – вполголоса говорили они, качая головой и с сожалением глядя в его сторону.

Саид видел суету женщин, поспешно убиравших комна-

ты. Пришёл мулла⁹, чтобы читать у её изголовья Ясин¹⁰. С ним пришёл и отец. Он смотрел с широко раскрытыми глазами, сел рядом с телом Зульхижат, сторбившись. Наконец врач подошёл к Саиду, взял его за локоть, как будто приглашая в другую комнату. В сердце Саида кольнуло, взгляд стал туманным и мокрым, и, предчувствуя отчаянную правду, он поплёлся за врачом.

– Я сожалею, сынок. Мужайся, уже ничего невозможно сделать.

– Ну хоть что-нибудь, пожалуйста, доктор... Она не могла... Она очень стойкая. – не выдержал Саид. Зулумхан вышел от Зульхижат к сыну и молча обнял его.

Комок горечи и боли застыл у Саида в горле. Он не мог осознать, принять эту весть. Отец похлопал по плечу.

– Мне жаль... Крепись... Да одарит Аллах её раем – выразил соболезнования доктор .

– Когда? Когда? Во сколько это случилось? – взволнованно посыпались вопросы Саида.

– Трудно сказать... Точное время назвать не могу. Но, думаю, ещё вчера.

Доктор вышел. Саид прислонился к стене, схватился обеими руками за голову, затем сел и зарыдал. Тихо, так, чтоб никто не слышал. «Ещё недавно она была жива. Ходила, го-

⁹ Мулла – исламский священнослужитель, знаток Корана и религиозных обрядов у мусульман .

¹⁰ Ясин (Йа Син) – 36-я сура Корана.

ворила, готовила кушать, а теперь её уже нет. Как такое может быть?» Отец сел рядом, он искал слова утешения для сына, но не нашёл ничего.

На похоронах Саида обнимали, жали руку, говорили слова сочувствия. В глазах же мальчика всё было расплывчато и пусто. Всё превратилось в поток, врывающийся в его сознание мельканием лиц, пожатием рук, словами, молитвами за упокой.

И среди всей этой суеты из сгустков тумана, фраз, бесконечного мелькания людей, занятых хлопотами по организации похорон пробился маленький лучик солнца. Он увидел её сразу, как только она вошла. Вот она идёт к нему, одному. Ближе... ближе... Она обняла его, и всё стало спокойным, безмятежным.

– Мама, – промолвил он. Как давно он не произносил этого слова, как ему не хватало её, хотя он всегда это отрицал для самого себя. Его глаза наполнились слезами, хотелось плакать и кричать, выть, но он сжал кулаки, сглотнул.

– Бедный мой мальчик, – произнесла Айшат. Ей хотелось, чтобы все эти люди исчезли, растворились, чтобы оставили их одних. Ей так нужно было поговорить с сыном, соприкоснуться душами, попросить прощения, поплакать. Но они смотрели на Айшат и Саида и начали уже обсуждать и осуждать. Людям так нравится наблюдать чужую жизнь. Почему бы каждому не заниматься своею. Чего им всем от него надо!

– Я сейчас должна идти, нужно подготовить садака, раз-

ложить по пакетам. Но потом, потом мы обязательно поговорим.

И она ушла. И душа Саида вновь «завяла» в тени. Он вышел из комнаты и поплёлся подальше от сверлящих его любопытных глаз. «Почему потом? Что значит это «потом»? Потом – это не сейчас. А когда? Не известно. Мама, почему ты меня не любишь?!»

– Саид! – услышал он окрик. Его звали, надо разгружать легковые машины, приехавшие из города полные буханками хлеба для садака¹¹.

Ближе к вечеру мать подошла к нему, села рядом, чуть слышно спросила:

– Ну как ты?

– Ничего.

– Бабушки уже нет, да смоются её грехи, и потому ты больше не можешь оставаться здесь один (бабушка Асият переехала жить к сыну в Махачкалу). Я бы хотела, чтобы ты жил с нами, но отец твой против. Да и мне кажется, что тебе будет лучше жить в доме отца. С ним мы уже поговорили.

– Уже второй раз...

– Что второй раз?

– Ничего. Я и сам справлюсь. Здесь останусь, – слёзы душили его, ему хотелось убежать, но он просто сидел, склонив голову, не мог смотреть на неё.

– Нет, это исключено. Скоро учиться в город поедешь,

¹¹ Садака – милостыня.

всего четыре годика осталось, в институт поступишь. Так что потерпи немного, хорошо?

– Хорошо, – с трудом выдавил он из себя.

– Ну, я пойду. Идти надо! – протянула руку, чтобы по голове погладить, но не решилась и убрала. – Отец скоро придёт за тобой.

Айшат направилась к двери, открыла её, оглянулась и сдавленным голосом произнесла:

– Ты уж меня прости, ладно? – и выбежала.

Кое-как добралась до дома, спрятала лицо в объятья ладоней и зарыдала. «Почему? Почему? – била она себя по груди. – Сынок! Сыночек мой!» – она обняла, сжала себя крепко боясь, что вот-вот душа вырвется из неё .

– Мама! – услышала она зов Максуда. Резко встала, стёрла слезы, схватила какую-то посуду, лежавшую на столе, и, направляясь в сторону кухни, ответила:

– Что, родной?

Глава 7. Айшат

Айшат , маленькая, тоненькая, голос тихий с присыпкой шёпота.. Чёрные волосы, коротко собранные сзади, маленький носик, глаза большие, карие. Асият, мать Айшат, посчитала Магомед, из бедной семьи, недостойным дочери, а Зулумхан был из семьи с хорошим достатком: умный, образованный, не пил, не дрался. Но после развода с ним за кого бы вышла её дочь, кто бы к ней посватался теперь? И сватовству со стороны Магомед в этот раз она была рада.

– Не желаю ни видеть, ни слышать Саида и даже разговоров о нём и Зулумхане! – потребовал Магомед.

И Асият согласилась. Прошло время. У Магомед и Айшат родился третий ребёнок – сын Ахмед. А старшие, Максуд и Написат, уже ходили в начальную школу.

Магомед утром, как всегда, отправился на работу. Айшат после бессонной ночи с двухмесячным Ахмедом, наконец, уснула. Малыш не спал всю ночь, плакал, и Айшат возилась с ним, качая в колыбели.

Они сидели в гостиной – Айшат, Магомед и её свекровь Салихат. Напротив, безропотно стоит Саид, маленький мальчик четырёх лет. Навис тяжёлый разговор. Айшат было не по себе: её убеждают, что так надо, необходимо, а женщина смотрит на своего сыночка и не может ни согла-

ситься, ни отказаться. Тошно. Трудно дышать. Молодая женщина боится. Боится, что, не согласившись, вызовет шквал негодований мужа.. Слов нет, но ей кажется, что она уже соглашается. Нет ни словом, а молчанием... И тут её муж подходит к её сыну, берёт нож и проводит им по его горлу. Алая кровь струится из горла, стекая вниз и обливая крошечное тело Саида. Ребёнок всё так же стоит, он даже не плачет и не говорит ничего, но его взгляд полный разочарования с примесью обиды продырявил её сердце. Саид смотрит прямо на неё, и Айшат читает в его глазах немой вопрос: «Почему?» Айшат подбегает, отталкивает Магомеда, обнимает своё дитя, и у неё вырывается истошный крик:

– Нет! Верните его! Вылечите! – Она встаёт на колени и целует руку Саида. Хватает за ноги и с мольбой смотрит на него, на своё дитя, с недоумением и страхом смотрящего на неё, и не знает, что делать. Как помочь? – Я не согласна! – кричит она, оборачиваясь на мужа.

– Верните всё обратно! – и пытается зажать рану на горле сына.

– Уже поздно, – отвечает Магомед, – ничего не изменишь.

– Вырвите моё сердце и дайте ему! Перелейте ему всю мою кровь! Верните! – кричит она и крепко сжимает Саида. И понимает, что не вернут. Безысходность. Крик, разрывающий лёгкие.

Она просыпается и понимает, что всего этого нет, что это только сон. Н

На следующее утро Айшат попросила Максуда позвать Саида к ним домой на обед. Тем более они подружились. Максуд только обрадовался такой приятной вести.

Из дневниковых записей Саида:

«Мы с Максудом подружились. Он частенько звал меня и нашего двоюродного брата Асхаба к себе домой. Позднее я узнал, что это мать попросила его.

После школы мы шли к нему. Помню, как мать волновалась, – при первой встрече у неё даже голос задрожал. Да и я волновался не меньше, только старался не подавать виду.

Это были какие-то немые встречи, была любовь и теплота, но не было разговора, бесед о важном, о нас. Всё было в мыслях и чувствах, но они не проявлялись. Мы оба чего-то боялись. Боялись произнести, не знаю... Я боялся потерять то малое, что пришло в мою жизнь, и она, может, тоже.

Помню, как вошёл к ней первый раз в дом. Я не знал, что делать, как вести себя. «А, пришли. Устали, проголодались, наверное», – быстро проговорила она. При этом украдкой посмотрела на меня, улыбнулась, но сразу убрала улыбку. Мне показалось, что она хотела обнять меня, но не решилась. На столе было много разной еды: и чуду, и борщ, и пирог к чаю. Вот тогда-то я и заподозрил, что она меня поджидала и потому столько всего приготовила. И это было очень приятно.

После обеда, как только Максуд вышел в ванную, она

спросила тихонько:

– Ну, как дела у тебя?

– Всё хорошо.

– Как живётся тебе у папы?

– Нормально.

– Хорошо, – улыбнулась она, – я рада.

Тут вернулся Максуд, и мы начали свою болтовню, потом переключились на игру в дэнди. Она изредка заглядывала к нам в комнату и молча уходила.

Я во всём помогал и поддерживал Максуда, и порой мне кажется, что в большей части ради матери, а не ради него самого.

Какие это были времена?! Мы с ним дурачились, как могли. Помню, однажды это дурачество чуть не привело к трагедии.

– А у меня дома ружьё есть отцовское, – похвастался Максуд. – Хочешь посмотреть? – с довольной улыбкой произнёс он, видя мою заинтересованность.

– Ну, покажи, – полюбопытствовал я.

Мы быстренько вошли в дом. Я тогда учился в десятом классе, а Максуд, по-моему, в пятом. В потрёпанной временем плотной ткани лежал самодельный револьвер с крутящимся барабаном. Максуд бережно и неторопливо разворачивал тряпку, наконец, достал пистолет, прищурился и, направив его в сторону, произнёс: «Пиф-паф!»

– Какое же это ружьё? Это револьвер, причём старый, –

подчеркнул я.

– А, всё равно он не стреляет. Папа сказал, испортился.

– Ух ты! И патроны есть? – не выдержал я. – Давай вставим один. Раз всё равно не стреляет, можно же?

– Давайте, – поддержал нас и Асхаб.

Асхаб был мой ровесник. Почти на год младше. Племянник моей матери. Максуд свёл нас вместе, и мы стали друзьями.

Мы вышли во двор. Я взял револьвер и вставил патрон.

– Если папа узнает, он будет ругаться, – пытался воспротивиться Максуд.

– Не бойсь, не узнает, – в предвкушении произнёс Асхаб.

Я вытянул руку в сторону забора, прищурился и нажал на курок. Выстрела нет.

Потом попробовал свои силы и Асхаб. Выстрела нет.

– И мне, и мне дайте! – просил Максуд.

– погоди, – я выхватил пистолет у Асхаба, направил в свою голову и нажал на курок. – Тыдьщ! – Выстрела нет.

Следующее, что пришло мне в голову, это якобы выстрелить в Асхаба.

Направил пистолет ему в грудь и нажал на спусковой крючок. Асхаб затаил дыхание и чуть отодвинулся.

– Ну что ты глаза выпучил, испугался? – рассмеялся я. – Он же не стреляет. Смотри, – и я нажал на курок, но уже направив пистолет на дерево.

«Бабах!» – раздался оглушительный выстрел. Мы остол-

бенели. Ужас от того, что могло произойти, будто крепкой рукой сжал наши сердца. Стоило посмотреть тогда на наши лица! Потом я живо схватил ткань, все ещё лежащую в руке Максуда, завернул револьвер и быстро положил в шкаф, где он и лежал.

– Ни слова отцу, – только и смог сказать я Максуду, и мы с Асхабом ушли.

Да, мы тогда испугались, но только теперь я по-настоящему представляю себе ясно ужас того, что могло произойти. Аллах уберёт меня тогда – то ли от самоубийства, то ли от убийства. Но для чего?»

Глава 8. На пастбище

Утро, половина шестого. Никогда ещё Саид не просыпался так рано. Вчера мать сказала ему, что пришла их очередь пасти телят, и спросила невзначай: «Поможешь нам?» «Да», – не задумываясь, ответил Саид.

Раздался громкий звон будильника, циферблат показывал пять утра. Саид сел на диван и долго тёр глаза руками, заставляя себя проснуться. Отец и Расул всё ещё спали. Умывшись, он обнаружил Асму стоящей сзади.

– Проснулся? – сонно улыбалась она. – Я пришла тебя разбудить, а ты уже встал сам. Как настроение?

– Хорошо, – кивнул Саид.

– На столе твой рюкзак. Я положила туда для тебя еды: Варёные яйца, творог со сметаной хлеб и зеленый лук. Да, вода тоже там есть.

– Хорошо, спасибо, – признательно улыбнулся Саид, надел рюкзак и вышел на улицу.

Ещё блестела роса на траве, солнце только всплыло над горной вершиной, а Саид по короткому пути, по проложенным двум деревянным доскам над речкой, пробежал на другой берег и поднялся к машинной дороге через серпантин. Бабушка Зульхижат не позволяла ему взбираться по этой тропе. Стоит споткнуться и можно упасть прямо в пропасть.

Тогда он был маленький, теперь он, не смыкая глаз, практически бегом мог по ней взбираться. Главное вниз не смотреть и не думать над тем, что будет, если вдруг упадёшь.

Машины не ездили в такую рань, люди ещё лежат под тёплым одеялом, а он идет уже по зеленому склону предгорья в сопровождении птичьего гомона. Как хорошо в такую рань, как красиво! Какая особая чистота и первозданность. Как это волнительно смотреть на зарождение нового дня. Саид впервые сегодня шёл пасти телят. У отца телят не было, поэтому на выпас телят идти ему ещё не приходилось. А у мамы было три коровы и три телёнка. Все в селе, у кого были телята, по очереди их пасли. Айшат впервые пригласила Саида пойти вместе с ними. Саид с Максудом гнали телят сзади, а Айшат с Написат шли впереди стада. Придя на пастбище, они сели по разные стороны поляны и смотрели за телятами, чтобы те не убежали за пределы пастбища.

Летняя жара иссушала. Телята, спрятавшись в тени деревьев, отдыхали. Максуд и Саид сидели за большим камнем и обедали.

– Смотри, – с набитым ртом сказал Максуд, – мама с Написат сюда идут.

– Чего это они? А телята не убегут с той стороны? – встревожился Саид.

– Ну, как вы тут? Обедаете? – весело спросила Айшат.

– Уже закончили, – вытирая рукавом рот, сказал Максуд.

– Хотите повеселиться?

– Это как? – в предвкушении спросил Максуд.

– Помнишь, в прошлый раз мы ходили на озеро?

– Да! – воскликнули Максуд и Написат, не дожидаясь дальнейших объяснений.

– А телята? – спросил Саид.

– Пока жара не спадёт, они будут здесь. Пойдём, – положила она руку за спину Саиду, словно обнимая.

Простой жест, простое объятие. «Мама меня любит», – прошептало сердце. И ему стало так легко и весело на душе, что хотелось весь мир обнять и прыгать от счастья.

– А ты любишь купаться, Саид? – спросила Айшат, наклоняясь к нему.

– Да, – кивнул в ответ Саид. Отчего-то он застеснялся и, сдерживая улыбку, продолжил идти.

– Вот оно, вот оно! – закричал Максуд и побежал вперёд. За ним ринулась и Написат. Было смешно смотреть, как она бежит с маленькими косичками, с которыми ветер раскидывал в разные стороны, и пухленькими щёчками, розовыми от солнца.

– Беги и ты, – убрала руку Айшат, наклонилась и поцеловала Саида в лоб. – Ну, иди же, иди! – смеясь, сказала Айшат, видя его смущение.

И Саид побежал. Ему казалось, что он бежит, не касаясь земли, будто ветер поднимал его и нёс с собой, чтобы он мог сказать всему миру: «Моя мама меня любит!» Вот оно какое – счастье-то! Спонтанно-крылатое. Саид и Максуд купались,

строили стену для замка из камней вокруг. Написат весело плескалась в воде на берегу. Айшат время от времени крадась сзади к Саиду и Максуду и брызгала водой на спины мальчишек.

– Мама! – задорно кричали они, оглядываясь, и бежали за ней, чтобы побрызгать и на неё, но Айшат быстро убегала к Написат и говорила: «Стоп. Стоп. Я добежала до дома. Уже нельзя» – и смеялась. В её глазах горел свет, взгляд искрился, а губы очерчивали улыбку.

– Мальчики, уже солнце садится, пора! – закричала она, одевая Написат. – Кто первым оденется и догонит нас, получит шоколадку!

Первым прибежал Саид. Добежав до Айшат, замешкался и, тихо коснувшись её плеча сзади, сказал: «Поймал» – и улыбнулся неловко.

– Молодец! – весело улыбаясь, обняла его Айшат и, достав из кармана шоколадку, протянула ему. – Вот, угощайся.

– У-у-у! – топнул ногой Максуд, подоспевший только что. – Это нечестно, он старше меня.

– Ты тоже молодец! – обняла Айшат Максуда, достав из кармана вторую шоколадку.

– И мне, и мне! – то раскрывая маленькую пухленькую ладошку, то закрывая её, потребовала Написат.

К возвращению Саида домой, отец уже по обыкновению успел порядком выпить.

– Ну что, помог своей матери? – спросил он, вскользь по-

смотрев на Саида и добавляя сахар в крепкий чай.

Саид молча поставил рюкзак в угол, вычерпнул воды из ведра и выпил.

– То и видно. Обгорело все лицо. Мать даже не смогла подсказать, чтобы в тени посидел?– не отставал Зулумхан.

– Мы купались.

– Можно, можно.

Частые посещения Саида, хоть Магомед и не высказывал ничего, здорово раздражали его. Выудила-таки Айшат у него обещание, что не будет препятствовать их общению. Саид не знал про договорённости матери и Магомеда, но глубоко внутри чувствовал на себе его холодный недоброжелательный взгляд и приходил к ним во время отсутствия Магомеда, когда тот на работе или в отъезде.

Утром в школе Максуд, только увидев Саида, закричал:

– Саид! – и подходя к нему гордо добавил: – Мне папа новую игру подарил. Закачаешься...

Саид посмотрел на Асхаба, как бы спрашивая: «Ты пойдёшь?»

– Не, я сегодня не смогу, – вздохнул Асхаб. – Мы после уроков картошку сажать будем. Мама не отпустит.

– А я приду, – улыбнулся Саид. – Поиграем вместе.

У Максуда уроки закончились раньше, чем у Саида, и, придя домой, он встретил отца, который после обеда обыч-

но не задерживался, а тут как будто его поджидал. Отец не сводил с сына глаз, пока тот переодевался. Мать тоже была чем-то обеспокоена.

– Максуд, подойди ко мне! – строго сказал Магомед.

Голос отца не предвещал ничего хорошего. Максуд шёл в неизвестность, медленно, с дрожащим сердцем. Если отец строгим тоном говорит «подойди ко мне», то ничего хорошего это не предвещает. Рядом с отцом да диване лежал сверток, от револьвера. Теперь всё понятно, теперь мне точно конец .

– Это ты взял револьвер? Ты стрелял из него?

Максуд склонил голову и ничего не ответил. Уже неделя прошла с тех пор. Мальчишка думал, что уже никто не узнает.

– Я тебя спрашиваю!

Максуд вздрогнул.

– Да, – еле слышно прошептал он.

– Зачем?

Максуд всё так же виновато смотрел в пол.

– Я тебе говорил не брать? У тебя игрушек мало? Это что для тебя, игрушка?! Отвечай же! – заорал отец после очередного молчания Максуда. – Это Саид тебя надоумил? Он предложил взять его?

Максуд опять молчал.

– Ну как Саид мог ему такое сказать? Откуда ему знать, что в доме револьвер? – попыталась заступиться за сына Ай-

шат.

– А ты его не защищай! Он мог убить Асхаба! Твоего сына, наконец! – со злостью выкрикнул Магомед. – И были бы здесь похороны, а не разбирательство.

Отец откуда-то узнал все детали. Я не говорил, Саид тоже не мог сказать, значит Асхаб проговорился – расстроился Максуд. Теперь больше чем мне, попадёт Саиду.

– На то они и дети! Я тебе говорила спрячь. Говорила, что дети дома. А ты ничего не сделал! – выпалила Айшат.

– Если бы Максуд не водился с твоим Саидом, этого бы не случилось. Неужели ты не видишь, каков твой Саид? Он пагубно влияет на Максуда.

Саид в это время уже подходил к дому матери. От голода бурчало в животе. До него начали доноситься голоса. Приостановился. «Обо мне говорят», – ёкнуло сердце.

– Это твой Саид всегда в любой школьной неурядице и беспорядке участвует! Более того, он зачинщик, а не просто участник! Его не выносит ни один учитель. Он не уважает никого. Ему плевать на всех и на Максуда в том числе. Я не слышал ни одной похвалы в его адрес ни от учителей, ни от односельчан. Более того, он подбивает всех остальных учеников на глупые поступки. А они, как слепые котята, следуют за ним. Не видят, как он ими вертит. И я запрещаю тебе, Максуд, общаться с ним и запрещаю ему приходить в мой дом! Ясно?! – со злостью выпалил Магомед и открыл дверь.

Увидев за дверью Саида, он ещё более рассвирепел и за-

кричал, обращаясь к Саиду:

– Ты слышал то, что я сказал?! Я запрещаю тебе приходить в этот дом и запрещаю общаться с Максудом. Даже близко к нему не подходи. Ты всё уяснил? – сбавляя тон, он впился взглядом в лицо Саида.

Саид посмотрел на маму, на её глаза, в отчаянии смотрящие на мужа. Её голова качалась из стороны в сторону, словно не могла поверить в услышанное. Словно она хотела сказать Саиду: «Не верь! Не верь тому, что говорит Магомед».

– Магомед, прекрати! – с мольбой крикнула Айшат.

– Не вмешивайся, – процедил сквозь зубы Магомед, не сводя взгляда с Саида.

– Я больше не приду, – удивительно спокойно и твёрдо произнёс Саид и, отвернувшись, неторопливо вышел за ворота.

– Ты видела?! Видела? Я же говорил, что ему плевать на всё! Ему всё равно!

– Уйди. Иди уже на свою работу. Ты долг свой выполнил, защитил семью от опасности, иди теперь, – горько сказала Айшат, вошла в комнату, рухнула в кресло и лежала, не двигаясь. Глаза её были открыты, руки, словно неживые, свисали вниз. Она просто смотрела на нелепый узор ковра, бессмысленно проходила взглядом вдоль орнамента вновь и вновь. Ни слёз, ни рыданий. «Я опять не смогла защитить тебя, мой мальчик. Лучше бы я умерла сегодня!»

Глава 9. Школьные будни

На уроке языка, в сочинении нужно было написать самый приятный и самый неприятный момент из жизни. А какой он самый приятный момент? Когда родители были вместе, и мама отвела его, маленького Саида, посмотреть на канатоходцев.

Они разъезжали по сёлам, показывали свой талант и собирали деньги. Кто сколько даст. Так и зарабатывали. Играла зурна и на высоте, по верёвке, без страховки шёл уверенно и смело канатоходец. Он то прыгал, то стоял на одной ноге, а потом выбежала девчушка лет шести и тоже выделывала трюки. Надо же подумал Саид, смотря на неё. Такая маленькая, а не боится ничего. Если тренироваться, и ты сможешь – сказала мама Саиду. И пусть некому было тренировать и ни разу не пришлось взобраться на канат, но уже от одного осознания что ты тоже так можешь в сердце зацвели все полевые цветы одновременно. Вот тогда я был абсолютно счастлив – подумал Саид. Ну а про самый неприятный момент из жизни сухо написал: в день, когда разбил во второй раз мамину вазу. Зазвенел звонок, Саид первым сдал работу и выбежал в коридор. Потихоньку старшеклассники подтянулись к нему и болтали кто о чём. Асхаб был задумчив и выглядел крайне расстроенным. Ему тоже запретили общаться с Саидом,

но дело было совсем в другом. Он чувствовал себя предателем, хотя не хотел этого. Это случилось спонтанно. Как-то в разговоре с одноклассниками, когда речь шла об оружии, не удержался и похвастался, что держал револьвер в руках. Они естественно не поверили, и он выболтал, как и при каких обстоятельствах в доме Максуда произошёл инцидент с выстрелом. Асхаб, конечно, предупредил, только никому не говорите. Но раз выболтал он, не факт, что другие удержатся. Да у них даже такой веской причины нет, чтобы не поделиться таким интересным случаем. И вроде бы хочется поговорить с Саидом, объяснить, что это вышло случайно. И все же трудно на это решиться. Пока он стоял весь в себе, Умар ловко подметив рассеянность Асхаба, подкравшись сзади, снял с него кепку и убежал в конец коридора.

– Отдай! – раздражённо крикнул Асхаб и побежал за ним. Увидев, что Асхаб уже близко и вот-вот выхватит из его рук кепку, Умар резко поднял руку вверх. Однако задел оконное стекло. Раздался звон, стекло рассыпалось по полу, прибежали учителя и ребята из других классов. Дежурная учительница грозно покачала головой.

– Ну вот, что это такое? Ни минуты нельзя оставить одних. Ну и кто это сделал?

Никто не ответил.

– Лучше признайтесь по-хорошему, всё равно узнаем. Кто? – настаивала учительница.

Уборщица убрала осколки стекла, а их всех вызвали к ди-

ректору.

– Ну вот, сейчас начнётся допрос, – вздохнул Али.

– Ребята, не выдавайте меня, – попросил Умар. – Меня отец убьёт. Ещё за прошлый косяк наказание не отменили.

– Не выдадим, не бойся, – улыбнулся Саид.

– Ну молодцы! Нечего сказать, – начал директор. – Ну что, чуть перемена, и сразу пошли всё рушить? Нельзя на улицу выйти и там поиграть? Воздухом подышать? Так нет же! Нам обязательно нужно болтаться в этом тесном коридоре.

Молчание.

– Ну и кто это сделал? – уставился директор на учеников.

– Я, – сказал Саид.

– Так и знал, что это ты! – директор, размахнувшись, бросил ручку на стол. – Восемь лет ты уже в школе и до сих пор ничего путного не сделал! Во всех передрыгах ты, ты и только ты! Что же ты за человек такой, что везде и всюду устраиваешь бардак и беспорядки?

– Да, я разбил стекло. Я вставлю новое. – Спокойно пробарабанил Саид.

– К утру! Чтобы к завтрашнему утру стекло было на месте! А сейчас – вон! Вон из кабинета все!

– А ты негодник! Заруби себе на носу. Ещё одна выходка и вылетишь из школы. Я тебя исключу. Сначала научись человеком быть. И что только в башке твоей творится, хотел бы я знать?! Я тебя предупредил! Всему есть предел и нашему терпению тоже! Воон! – крикнул он, указывая пальцем

на дверь, красный от гнева и беспомощности.

Ребята послушно вышли.

– Зачем ты всё взял на себя? – недоуменно спросил Асхаб.

– Мне не впервой, – рассмеялся Саид. – Да и дома меня за это никто не поругает. Так что мне это ничего не стоит.

– Спасибо, Саид, я твой должник, – положил руку на плечо Саида Умар.

– Должник – не должник, а стекло сам доставай. А установить уже все вместе установим.

На следующее утро Саид улыбнулся про себя и несколько раз кивнул головой, услышав крики из дома Умара. «Опять из-за меня ругаются». Но несмотря на улыбку, в душе ему стало обидно, на секунду его сердце будто защемило, а за тем он улыбнулся, подняв взгляд на небо и двинулся по улочке вперед.

– И почему стекло разбивает Саид, а ты несёшь новое на замену, а? Сам разбил, пускай сам и ставит своё стекло... Почему ты его слушаешься? Кто он вам? Босс?! Почему вы все исполняете его команды? Он пальцем поманит, так вы и с крыши прыгнете? – всё не унималась мать Умара. Не водись с ним больше, даже близко не подходи, нет добра от него! И не будет!

– Мама, я тебе объяснял, что у него дома нет стекла.

– А у нас, значит, есть, да? Так давай, тащи из дома всё, чего у него нет, и дари ему. Ну! Давай же!

– Мама, – устало откликнулся Умар, стоя в дверях, – ну

я обещал уже.

– Раз обещал, пусть несёт, не обеднеем от этого, – раздался голос отца Умара.

– Так ведь дело разве в стекле? Меня выводит из себя, что они делают всё, что ни прикажет им этот Саид. Идиоты! Мозгов своих нет ни думать, ни делать. Ходят за ним, как будто они его слуги.

– Надоело, – пробубнил Умар и, схватив стекло под локоть, направился в сторону школы. Саида, стоявшего за деревом, он не увидел.

– Умар! – сзади окликнул его Саид, прибавляя ходу. – Размер хоть подходит? Мерил? – кивнув головой на стекло, весело спросил Саид.

– Да, по размеру, – без настроения ответил Умар.

– А что ты такой хмурый?

– Да предки достали...

– Ничего, – весело хлопнул Саид по плечу Умара, – провёмся!

А вечером, до боли в костях бил подвесную грушу, сделанную из мешка, набитой всяким хламом. Он бил её со всей злости, не сводя глаз и не уменьшая силы удара даже когда устал.

«Запрещаю общаться!» , «Не водись с ним», «Что ты за человек такой» «Не могу тебя взять к себе». Свалился в глубину железной кровати с сеткой и капельки воды самопроизвольно спустились с его глазниц. Он встал резко и вновь с

напором принялся лупить мешок кулаками. Опять ввалился в кровать и отдышавшись заснул.

– Саид – крикнула снизу Асма. Тебя Максуд зовёт.

– Чего тебе? – выглянув через входную дверь недовольно пробурчал Саид.

– Отец в отъезде, Салихат к1одо нужно мешки с навозом на осла загрузить помочь. Поможешь? Там всего пара штук.

– Идём

Саид и Максуд схватив по бокам мешок, поднимали и ставили его на осла, Салихат проворно обвязывала мешок веревкой, чтобы тот не свалился при спуске со спины осла.

– Ну а теперь на чай с пирожками и без отговорок, – посмотрела она на Саида. Иначе обижусь. Столько времени прошло, а ведь обещал прийти ещё раз.

– Пришёл же – улыбнулся Саид. А вы сказку обещали нам, продолжение рассказать.

Нурали проскользнул вниз и поднявши голову увидел, как завеса восстановилась. Он поднялся наверх и протянул руку туда, где должна быть упругая твердь, но рука ничего не ощутила. Он взлетел на вершину горы, выше и выше, но не было ни завесы, ни его мира. Стало ясно, что снизу, пока завеса стоит на месте, его мир не видим и не достигаем. И он решил спуститься в неизвестность, в неизведанный мир. Здесь росли те же деревья, обитали те же животные и пели те же птицы. Летел всё вниз, да вниз пока наконец не увидел огоньки, в маленьких каменных домах с плоской крышей, покры-

той смесью из глины и мелких камешков. На одной из крыш, женщина в широких штанинах и в платье до колен, с волосами прикрытой чохто и коричневатым платком, с вышитыми узором похожими на семена пшеницы, катала по поверхности дома огромный конусообразный тесанный белый камень с железной рукоятью.

Нурали чувствовал усталость, он резко падал, с трудом восстанавливал подвешенное в воздухе состояние, потом снова падал. Световое излучение крыльев заметно уменьшилось, они истончились и теряли былую силу. Еле как добравшись до земли, он уселся у речки, но услышав шорох приближающихся шагов, спрятался за деревом. Девушка в длинном белом гормедо, из-под которой выглядывали две чёрные косы до колен, и тёмно-бордовом платье остановилась поодаль от речки и начала наполнять медный кувшин водой. Наполнив, она обвязала кувшин широкой, вытканной из разноцветных нитей лентой и заправила кувшин сзади, придерживая спереди ленту рукой. Маленькие тонкие губы, широкие брови, лицо заостренное, глаза карие, выразительные.

Не зная, что сказать, как начать разговор, Нурали свистнул.

Девушка в испуге осмотрелась.

– Салам алейкум – поздоровался юноша.

Она же всё такими же испуганно-распахнутыми глазами смотрела на молодого юношу в черкесске, Волосы с пробормом справа на лево, нос похожий на орлиный клюв, полоска

чёрных усов над губами.

– Не бойся, я не причиню тебе вреда – улыбнулся Нурали.

– Кто ты? – вырвался её взволнованный дрожащий голос.

– Я Нурали , только что прилетел в ваши земли.

–Кто ты? – Повторила она, отступая назад.

– Я Нурали . Я же сказал.

– А что у тебя там, за спиной?

– Крылья. А твои где?

– У людей не бывает крыльев.

– Да?

– Да. Так кто же ты?

– Я человек. Мы живём там, на вершине горы – указал он на гору величаво взвившуюся вверх. Я пришёл увидеть всё, что есть здесь внизу. Мы не знали, что тут живут люди, не знали, что есть место обитания, кроме нашего. Я нашёл проход и пришёл сюда, чтобы узнать, что здесь есть. И я ни в коем случае не хотел испугать тебя. Я лишь хотел попросить тебя рассказать о твоём мире. Ведь я ничего не знаю, ни о людях, которые здесь живут, чем они живут и насколько велик этот мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.